

491587

ПРАВОСЛАВНЫЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ.

И́дше научите всѣ мѣзыки, крѣтѣще
и́хъ во имя О́ца и Сѣна и Сѣтаго Дѣха.
Матѣ. XXVIII, 19.

ИЗДАНИЕ

состоящаго подѣ АВГУСТѢЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ПРАВОСЛАВНАГО МИССИОНЕРСКАГО
ОБЩЕСТВА.

1894.

Годъ второй.

ТОМЪ I.

№ 5

МАРТЪ.

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ТИПОГРАФИЯ А. И. СНЕГИРЕВОЙ.
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКІЙ ПЕРЕУЛОКЪ, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.
1894.

тутъ, иной, по слабости тѣлосложенія, получилъ бы мѣсто при какой нибудь миссіи въ южной Россіи, хотя бы родина его была въ одной изъ Сибирскихъ епархій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памятное завѣщаніе¹⁾.

I.

Дочери мои: Матрена, Марія и Елена! Вамъ троимъ передаю описаніе жизни моей, какъ завѣтъ мой на память вамъ и потомству вашему.

Дѣти мои! Я происхожу изъ рода Мундусовъ;—изъ племени Бѣлыхъ Телеутовъ; имя отца моего—Андрашъ; отецъ Андраша—Клемешъ, у этого отецъ Семеекъ, у Семеека отецъ Сѣогошъ,—его отецъ Сеперекъ,—отецъ Сеперека Чѣбѣлѣкъ. При Сеперекѣ предки наши добровольно перешли въ подданство „бѣлаго царя“ и стали платить „алманъ“ (дань). Я, потомокъ ихъ, до 17 лѣтъ былъ „черной вѣры“ (язычникомъ); отецъ и мать дали мнѣ имя „Кипріанъ“²⁾. Къ этому времени я былъ женатъ³⁾. Имя матери моей—Каброжъ, а отца ея звали Кульбесь. Этотъ Кульбесь былъ правителемъ въ своемъ обществѣ (біемъ); онъ былъ изъ рода (кости) Тюуты, изъ Кештымскаго племени. Вотъ,—дѣти, я написалъ о моихъ предкахъ, чтобы вы не забыли!

¹⁾ Предлагаемая статья есть автобіографія престарѣлаго миссіонера Алтайской миссіи, священника Михаила Васильевича Чевалкова, современника и ученика блаженной памяти основателя сей миссіи о. архимандрита Макарія. Она написана на алтайскомъ языкѣ и носитъ заглавіе: „ундулбасъ-кеересъ“. Переводъ сдѣланъ лично преосвященнѣйшимъ Макаріемъ, епископомъ Томскимъ и Семипалатинскимъ. Статья представляетъ собою богатый и не бывший еще въ печати матеріалъ для характеристики личности о. архимандрита Макарія, въ особенности для обрисовки его внутренняго міра. *Ред.*

²⁾ Иностранцы, живя въ сосѣдствѣ съ русскими, будучи язычниками,—нерѣдко однако даютъ своимъ дѣтямъ христіанскія имена.

³⁾ Дословно: *имѣлъ свое жилище*,—потому что иностранцы имѣютъ обыкновеніе въ день брака своихъ сыновей строить имъ особую юрту, выдѣлять ихъ.

Теперь расскажу вамъ то, что я слышалъ отъ старыхъ людей. Въ старыя времена былъ Тёрбетъ, Ойротскій ханъ, который владѣлъ четырьмя племенами: это было тогда, когда 60 тысячъ Телеутовъ золотой орды жили между собой въ мирѣ. Послѣ этого произошелъ между этими четырьмя племенами раздоръ и они стали между собой воевать.

Вслѣдствіе этого Ойротскій ханъ удалился во владѣнія Кункерскаго хана. Оставшіеся послѣ него султаны и мурзы, собравши каждый подвластныхъ себѣ людей, перекочевали въ разныя земли, ища для себя спокойнаго мѣста. Оставшаяся отъ нихъ небольшая часть народа жила по обѣимъ сторонамъ Иртыша. Телеуты же жили по обѣимъ сторонамъ р. Ак-Умара (Оби), но и они не стали жить между собой въ мирѣ. Отъ постоянныхъ войнъ и число ихъ весьма уменьшилось; вслѣдствіе этого ихъ постоянно тревожили, съ одной стороны, Монголы, предводительствуемые Чадакомъ, а съ другой „Черные Киргизы“ (Кара-Казакъ). Тогда Телеуты, предводительствуемые Мамымгомъ и Балыкомъ, пришли въ Кузнецкъ и просили начальника города (терѣ-бій), говоря: мы желаемъ платить дань бѣлому царю, чтобы подъ его покровительствомъ жить въ этой землѣ. Тогда былъ мой предокъ Сеперекъ, сынъ Чебелека. Отъ него произошли Чевалковы, живущіе теперь въ Улалѣ и въ Бачатѣ. Отецъ мой родился въ Бачатѣ. Его родители и братья переселились въ мѣстечко „Карасу“ (теперь село Карасукъ), недалеко отъ г. Бійска. Отецъ мой былъ тогда 10 лѣтъ. Ихъ было 5 братьевъ: старшій Каланъ, моложе его Егоръ, моложе Егора мой отецъ Андрашъ, моложе этого Устѣпкъ, за нимъ Ярасъ. Отецъ ихъ Клемешъ, а мать Кеелешъ. Я родился, когда они жили въ Карасукѣ. Оттуда родители мои, когда мнѣ было 7 лѣтъ, переселились въ Улалу. Тамъ вмѣстѣ съ нашимъ было всего 4 двора. Спустя два года, въ Улалу переселился нѣкто Аѳанасій Коншинъ съ женой и тремя сыновьями. Они были мѣщане. У этого мѣщанина младшій сынъ былъ Іаковъ, мой ровесникъ. Съ Іаковымъ я вмѣстѣ игралъ и учился русскому языку. Онъ, по обыкновенію своему, дома предъ принятіемъ пищи молился, обратившись въ передній уголь. Такъ же молился и послѣ принятія пищи. Удивляясь этому, я

спросилъ Иакова: зачѣмъ ты молишься предъ принятіемъ пищи и послѣ принятія? Онъ отвѣтилъ: предъ принятіемъ пищи мы у Бога просимъ благословенія, а, поѣвши, благодаримъ Бога. Услышавши это и видя такой Богопріятный обычай, я осудилъ свои обычай и сказалъ самъ себѣ: ты, когда хочешь ѣсть, не просишь благословенія Божія и, когда наѣшься, не поблагодаришь Бога; наѣшься и отойдешь, подобно псу; не чтишь Бога, дающаго тебѣ пищу. Я скорбѣлъ въ душѣ, что такая вѣра наша нехороша. Тогда мнѣ было 9 лѣтъ.

Еще—однажды мы пошли съ Иаковомъ вдвоемъ, гдѣ находился ихъ пчельникъ. Поигравши, мы легли на спину вверхъ лицомъ и смотрѣли на небо. Я спросилъ Иакова: что тамъ есть на небѣ? Иаковъ сказалъ: тамъ есть Богъ. Я спросилъ его: а какъ имя этого Бога? Иаковъ отвѣтилъ: Иисусъ Христосъ. Онъ создалъ всѣхъ людей, какіе есть на землѣ,—разнаго рода скотовъ, звѣрей и птицъ. Теперь онъ находится на небесахъ. Я спросилъ: а этотъ Богъ видитъ-ли насъ оттуда? Иаковъ отвѣтилъ: онъ видитъ и насъ и все, что мы дѣлаемъ днемъ и ночью. Кто Ему молится, Онъ тѣхъ любитъ, а кто не молится, тѣхъ не любитъ. Затѣмъ я еще спросилъ: а что онъ сдѣлаетъ съ тѣми людьми, которыхъ не любитъ? Онъ сказалъ: я слышалъ отъ матери моей, что тѣхъ людей, которыхъ Онъ не любитъ, Онъ пошлетъ въ огонь и тьму.

Послѣ этого я сталъ скорбѣть въ душѣ и осуждать самъ себя. Когда родители мои камлали (шаманили, — приносили жертву) и если въ это время заходилъ ктонибудь изъ русскихъ, мнѣ становилось стыдно передъ ними. Когда отецъ мой послалъ меня пасти коровъ, то я иногда поднимался на Тугаю (Ўттү-Кая) и, вставши на камень, на которомъ росъ баданъ (травя, которая употребляется вмѣсто чая), и, обратившись лицомъ къ востоку, кланялся, произнося имя Иисуса Христа. Такъ я кланялся, какія же молитвы слѣдуетъ произносить, не зналъ, но только повторялъ многократно: Боже, Иисусе Христе, не оставь меня, возьми меня къ себѣ!

Дѣти мои! Теперь и издалика мнѣ это мѣсто кажется прекраснымъ и до сихъ поръ оно не изглаживается изъ памяти моей.

Припоминаю еще: въ одинъ день я пришелъ къ товарищу своему Іакову, сижу у нихъ и вотъ входятъ къ нимъ два человека въ черныхъ одеждахъ, — на головахъ шапки съ накрышкой. Я, увидѣвши ихъ, хотѣлъ бѣжать, но одинъ изъ нихъ остановилъ меня, посадилъ возлѣ себя и далъ мнѣ пирожокъ съ красной смородиной. Я сижу и думаю: ѣсть или не ѣсть? Онъ, погладивши меня по головѣ, спросилъ: какъ твое имя? Кипріанъ, — отвѣтилъ я. Онъ сказалъ: я тебѣ расскажу одну повѣсть, а ты сиди да хорошенько слушай. Послѣ этого, положивши мнѣ на плечо руку, онъ сказалъ: въ старыя времена былъ большой камъ Кипріанъ; онъ уходилъ на горы, чтобы изучать тамъ бѣсовское ученье и черпокнижіе. Изучивши все это, онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ, но только не могъ бѣсовскими чарами одолѣть одной крещеной дѣвицы, по имени Іустины. Удивляясь этому, онъ спрашивалъ у своихъ главнѣйшихъ бѣсовъ, служившихъ ему: доселѣ вы могли дѣлать („кубултун“ — превращать, показывать видъ чегонибудь, дѣлать посредствомъ превращенія) все, что хотѣли; какъ же теперь вы не можете одолѣть этой дѣвицы? Слуги его сказали ему: мы боимся Бога ея, такъ что не только къ ней самой, но даже къ дому ея не можемъ подойти. Услыхавши это, камъ пришелъ къ этой дѣвицѣ и спросилъ: въ какого ты Бога вѣруешь? Іустина рассказала ему объ Іисусѣ Христѣ. Послѣ этого камъ Кипріанъ крестился и послѣ крещенія сталъ великимъ священникомъ (архіереемъ), Божіею силою совершилъ многія чудеса, а теперь, послѣ смерти своей, пребываетъ въ вѣчномъ блаженствѣ, во свѣтѣ Божіемъ.

Я, выслушавши этотъ рассказъ, спросилъ: ты что за человекъ? какъ тебя зовутъ? Онъ, улыбаясь, сказалъ: я священникъ, по имени Макарій, — ты крестись и будешь какъ Божье чадо; некрещеные никогда не войдутъ въ свѣтъ Божій, но съ діаволомъ будутъ, пойдутъ въ тьму и огонь, откуда не выйдутъ никогда! Послѣ этого онъ началъ рассказывать, что будетъ вѣрующимъ въ Бога и что невѣрующимъ. Я, слушая его рассказы, едва могъ удерживаться отъ слезъ. Желалъ бы и креститься, но боялся родителей. Я былъ тогда 11 лѣтъ. Когда мнѣ миновало 12 и наступилъ 13-й годъ, родители мои высватали для меня

невѣсту. Мать въ тотъ же годъ умерла отъ горячки. Послѣ смерти любимой матери моей, мнѣ доводилось меньше смѣяться, но больше плакать. Такъ я съ плачемъ провелъ два года. Въ теченіи этихъ лѣтъ я самъ и коровъ доилъ и бѣлье мылъ; самъ и приготовлялъ всякую пищу. На третій годъ отецъ мой женилъ меня на высватанной невѣстѣ. Мнѣ было тогда 16 лѣтъ. Жители Удалы въ это время начали принимать крещеніе. Когда вмѣстѣ съ нами еще два семейства не желали креститься, то о. Макарій сказалъ: вы — некрещеные, — если будете камлатъ, живя среди крещеныхъ, то они будутъ соблазняться. Поэтому, если не желаете креститься, то возвратитесь въ свое мѣсто, въ Кузнецкъ. Поэтому отецъ мой меня съ женой передалъ тестю моему и отправилъ въ Бачать ¹⁾. Такъ мы отправились въ путь и, когда стали удаляться отъ роднаго мѣста, я не могъ удержаться отъ слезъ. На третій день, когда горы Алтая скрылись изъ глазъ, мы выѣхали въ степь. И думалъ я про себя: зачѣмъ ты не крестился? зачѣмъ, не боясь Отца небеснаго и убоившись отца земнаго, переселяешься въ Бачать?

Весной въ тотъ годъ, когда мы пріѣхали въ Бачать, въ одинъ день я сидѣлъ на горѣ Елбай и скорбно было у меня на душѣ. Въ это время ко мнѣ подошелъ Каймакъ, сынъ Оргона, и сказалъ: отъ этой Шанды за десять верстъ находится Бачатская волость, — тамъ есть церковь, — завтрашній день туда собирается много народу; завтра праздникъ „Муколы (Николы) — батюшки“, поѣдешь ли туда? Я сказалъ: дороги не знаю, а то поѣхалъ бы. Каймакъ сказалъ: изъ Шандинскихъ туда многіе поѣдутъ; развѣ не поѣдешь съ ними? Я обрадовался, осѣдлалъ коня. Туда отправлялось много женщинъ и я поѣхалъ съ ними. Я не могъ ихъ догнать, потому что конь подо мной былъ плохой. Такъ я одинъ пріѣхалъ въ Бачать. Знакомыхъ, у которыхъ я могъ бы остановиться, у меня тамъ не было. Ёду одинъ по улицѣ, а у самаго на глазахъ слезы. Встрѣчается дядя мой Ченошъ изъ большаго улуса и говоритъ: ты, племянникъ, на праздникъ пріѣхалъ? Да, на праздникъ. И онъ поѣхалъ со мной.

¹⁾ Прежнее мѣсто пребыванія Чевалковыхъ.

Приѣхали къ дому крестьянина Клемешева и остановились у него, и я и онъ. Заблаговѣстили. Я спросилъ у дяди: что это? Въ колоколь звонятъ, чтобы народъ собирался въ церковь, — отвѣтилъ онъ. (А я до этого церквей не видывалъ). Такъ мы съ дядей пошли въ церковь. Къ намъ сбоку подошелъ какой-то человекъ и пошелъ вмѣстѣ съ нами въ церковь. На верхушкѣ шапки его — бумажныя кисточки, одѣтъ въ сюртукъ, на плечахъ бумажныя цвѣточки. Я, увидѣвши его, спросилъ у дяди: это не абызъ ли? (священникъ). Дядя сказалъ: это — дурачекъ Евсей. Я спросилъ: а онъ никому вреда не сдѣлалъ? Дядя отвѣчалъ: нѣтъ, этотъ человекъ никому зла не сдѣлаетъ. Такъ онъ вмѣстѣ съ нами и вошелъ въ церковь и съ нами же вмѣстѣ остановился у дверей церковныхъ. Когда мы молились, онъ часто взглядывалъ на меня и улыбался. Стоявшіе передо мной люди были выше меня и я изъ-за нихъ не могъ видѣть, что было впереди. Стоявшіе возлѣ меня, некрещеные телеуты кланялись, не полагая на себѣ крестнаго знаменія и я такъ же молился. Въ это время въ передней части церкви слышно было пѣніе многихъ людей, славившихъ Бога. Это пѣніе услаждало мое сердце до слезъ. Вышедши изъ церкви, мы съ дядей отправились въ квартиру, тамъ пообѣдали. Тогда дядя сказалъ мнѣ. Ты что, племянникъ, такъ повѣсилъ голову: о чемъ ты скорбишь? Я отвѣтилъ: скучаю на чужой сторонѣ. Онъ сказалъ: здѣсь есть засѣдатель изъ нашихъ Телеутовъ, — добрый человекъ, пойдѣмъ къ нему, у него есть органъ — онъ намъ поиграетъ на немъ. Отправились. Онъ привелъ насъ въ горницу и спросилъ у дяди: чей это сынъ? Дядя отвѣтилъ: это мой племянникъ, — приѣхалъ съ Алтая. Засѣдатель сказалъ: его надо грамотѣ учить. Дядя сказалъ: онъ тоскуетъ по родинѣ; поиграйте для него. Онъ сталъ намъ играть на органѣ. Я слушалъ; еще стало мнѣ тоскливѣе и я проследилъ. Послѣ этого, засѣдатель угощалъ насъ чаемъ, налилъ рюмку вина, а дядя выпилъ двѣ. Отъ него мы возвратились домой. Вспоминая о своей родинѣ, я говорилъ самъ себѣ: зачѣмъ ты, не принявши этой вѣры, гдѣ такое прекрасное пѣніе, переѣхалъ сюда въ Бачатъ?

Я скорбѣлъ и плакалъ. Теща моя, видя мои слезы, гово-

рила: о чемъ ты тоскуешь и грустишь, сынъ мой? не пренебрегаетъ-ли тобой жена? ты мнѣ скажи. Я сказалъ: нѣтъ, она мною не пренебрегаетъ; я все думаю о своей родинѣ. Теща сказала: осенью поѣдемъ въ гости въ Улалу.—скоро отецъ твой пріѣдетъ сюда. Отъ тоски я захворалъ и пролежалъ около недѣли. Когда я лежалъ въ болѣзни, въ это время вошелъ въ домъ мой отецъ, одѣтый въ бѣлую рубаху, въ черной шляпѣ на головѣ. Увидѣвши его, я заплакалъ. Отецъ сказалъ: о чемъ ты плачешь, сынъ мой? Я сказалъ: ты переселяешься сюда жить, а я поѣду опять въ Улалу креститься. Отецъ мой, видя меня плачущимъ, и самъ прослезился и сказалъ: если ты хотѣлъ креститься, сынъ мой, то зачѣмъ же не сказалъ тамъ? Я отвѣтилъ: я побоялся говорить тебѣ объ этомъ. А теща сказала: я свою дочь возьму назадъ. Я отвѣтилъ: если хотите взять, сами знаете.

Черезъ недѣлю послѣ этого, мы отправились назадъ въ Улалу. Многіе изъ нашихъ родственниковъ, пришедшихъ проводить насъ, плакали о насъ, какъ о покойникахъ. „Ты, Андрашъ, — говорили они, — послушался молодаго сына своего—; ѣдешь креститься, — теперь ты намъ не родня“. Мнѣ непріятно было слышать ихъ причитаніе. Мы отправились и черезъ пять дней прибыли въ Улалу. Осенью того года крестились. Я нареченъ былъ Михаиломъ; отецъ мой названъ Василиемъ; жена моя Александрой; сестра моложе меня—Еленой, слѣдующая за ней—Анной, а самая младшая Маріей. У меня былъ еще братъ Ерокъ, моложе меня семью годами. Онъ, послѣ рожденія своего, когда было ему два мѣсяца, отцомъ моимъ былъ отданъ въ сыновья старшему брату его, у котораго дѣтей не было. Когда онъ достигъ 10-лѣтняго возраста, его отдали учиться грамотѣ;— названъ онъ былъ Адріаномъ: они крестились прежде насъ.

На лѣвомъ берегу р. Улалы находился домъ Михаила Ащалуова. Отецъ Макарій купилъ его и жилъ въ немъ. Мы жили на правой сторонѣ Улалы. Братъ мой, по обычаю, ходилъ къ о. Макарію учиться грамотѣ. Я, видя, что онъ учится грамотѣ, скорбѣлъ объ этомъ, говоря въ себѣ: мой младшій братъ научится грамотѣ, будетъ знать Слово Божіе и по нему разумѣть, что добро и что худо. А теперь я буду всѣхъ хуже и глупѣе.

Такъ я скорбѣлъ и молился въ сердцѣ своемъ: Боже мой, Иисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если это мое желаніе учиться грамотѣ угодно Тебѣ, то Ты Самъ вразуми и научи меня!

Въ одно время я, давши корму скоту, отправился къ о. Макарію. Онъ мнѣ рассказывалъ о Богѣ; я слушалъ это и рассказы его были для меня слаще меда. Рассказы его неизгладимо запечатлѣлись въ сердцѣ моемъ. Съ тѣхъ поръ я, подобно пчелѣ, которая нашла готовый медъ, каждый день вечеромъ приходилъ къ о. Макарію. Часто посѣщая о. Макарія, я просилъ его келейныхъ, чтобы они учили меня грамотѣ. Они отвѣтили: ты приходи къ намъ днемъ,—мы будемъ тебя учить вмѣстѣ съ братомъ твоимъ. Такъ я два дня сряду ходилъ учиться. Отецъ мой спросилъ меня: куда ты ходишь? Я отвѣтилъ: хожу все къ о. Макарію учиться грамотѣ. Отецъ мой сказалъ съ гнѣвомъ: довольно, если младшій братъ твой научится, а ты знай свое дѣло: грамотѣ учатся лѣнивцы, — тебѣ лѣнь работать; люди смѣются надъ тобой и мнѣ самому человѣка два говорили: „ты сына своего учишь лѣниться, вотъ онъ ходитъ къ абызу, учится грамотѣ“. Послѣ этого я тайно отъ отца и отъ жены своей пошелъ въ „чуланъ“ и тамъ заплакался. Потомъ я сказалъ брату моему Адріану: когда будешь приходить обѣдать, приноси съ собой букварь. Адріанъ такъ и дѣлалъ. Сходивши домой пообѣдать, онъ заходилъ къ намъ и читалъ букварь. Когда я, молча, сидѣлъ возлѣ него и смотрѣлъ вмѣстѣ въ букварь, отецъ мой сказалъ: ты что сидишь? работы не работаешь, а только портишь глаза? Поэтому я, исполняя въ домѣ работы, слушалъ чтеніе; какъ изучаютъ пѣсню, такъ я слухомъ изучалъ чтеніе азбуки. Когда отца дома не было, я просматривалъ слова и узнавалъ ихъ, спрашивая объясненіе у брата; но всѣхъ словъ я разбирать не могъ.

Въ одно время пришелъ десятникъ и велѣлъ мнѣ отвезти о. Макарія въ Майму. Я запрегъ двѣ лошади, подѣхалъ къ дому о. Макарія; захожу—о. Макарій связываетъ въ кучу около 30-ти букварей. Я сталъ просить у о. Макарія: о. Макарій! благословите мнѣ одинъ букварь! О. Макарій улыбнулся, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: ты—женатый и семейный человѣкъ:

развѣ имѣешь свободное время учиться грамотѣ? Я отвѣтилъ: если Богъ вразумитъ, то научусь. О. Макарій взялъ одинъ букварь, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: если ты изъ этого буквари разберешь три слова, то я благословлю его тебѣ; но если не разберешь, то теперь не дамъ. Я, хотя и плохо разбиралъ, но началъ читать на память. О. Макарій, выслушавши, спросилъ: кто тебя училъ? Я отвѣтилъ: никто не училъ. Я самъ научился, когда Адрианъ читалъ букварь, я, занимаясь работой, прислушивался и заучилъ. О. Макарій сказалъ: ты не говори, что самъ научился; если Богъ не поможетъ, то человекъ самъ ничего не можетъ сдѣлать и ничему не можетъ научиться, поэтому, когда ты хочешь что-нибудь дѣлать,—говори: Господи Иисусе Христе, да будетъ воля Твоя! Если Тебѣ угодно мое начинаніе этого дѣла, то даруй твое благословеніе. И тогда, если Богу угодно, что хочешь дѣлать, Онъ непременно тебѣ поможетъ въ этомъ, а благословеніе Божіе проси съ вѣрою, а когда попросишь, надѣйся, что Богъ непременно дастъ и, если прошеніе твое Богъ исполнитъ, то не думай въ сердцѣ своемъ; „я самъ это сдѣлалъ“. Если ты подумаешь, что это отъ тебя самого сдѣлалось, то діаволь расхититъ сѣмена твоего добраго дѣла, подобно птицѣ, уносящей сѣмена пшеницы“. Преподавши это наставленіе, онъ положилъ свою руку мнѣ на голову и стоялъ, молча. Послѣ того благословилъ мнѣ тотъ букварь. Получивши этотъ букварь, я съ великою радостью спряталъ его за пазуху. Когда я вынесъ вещи въ таратайку, о. Макарій вышелъ и сѣлъ, сказавши: вези меня въ Майму. Пока мы доѣхали до Маймы, онъ все училъ меня. Возвратившись домой, я спряталъ букварь подъ сарай. Послѣ этого, отправляясь на работу, я бралъ букварь съ собой и дорогой учился разбирать слова. Если замѣчалъ, что кто-нибудь ѣдетъ мнѣ на встрѣчу, то я, еще издали увидавши его, пряталъ мой букварь за пазуху; а когда онъ проѣзжалъ, то я опять продолжалъ учить. Иногда я просилъ брата указывать мнѣ, а иногда вечеромъ, тайно отъ отца, уходилъ къ о. Макарію и учился у его келейныхъ.

Въ одинъ день вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. Когда я зашелъ, о. Макарій вышелъ, подошелъ ко мнѣ на встрѣчу и

спросилъ меня: ну, что научился-ли грамотѣ? Я отвѣтилъ: Слава Богу! не много знаю. Онъ мнѣ вынесъ книгу—Ветхаго Завѣта и заставилъ меня изъ нея прочитатъ. Я прочиталъ строкъ пять. Онъ обратилъ взоръ свой къ небу и сказалъ: да благословить тебя Господь отъ Сіона, сотворивый небо и землю! Сказавши это, благословилъ эту книгу мнѣ. Послѣ этого за руки подвелъ меня къ стулу и посадилъ, а самъ сѣлъ возлѣ меня и началъ мнѣ повѣствовать Слово Божіе. Онъ сказалъ: кто терпитъ горькое, тотъ найдетъ сладкое, кто плачетъ, тотъ будетъ радоваться,—ты не обижайся, что люди оскорбляютъ тебя, не питай ненависти къ тѣмъ, которые сдѣлали тебѣ зло и довели тебя до слезъ.—Господь за насъ грѣшныхъ сошелъ съ небесъ на землю и претерпѣлъ за насъ крестныя страданія, но не мстилъ своимъ мучителямъ. Такъ, Богъ нашъ, Іисусъ Христосъ своими страданіями, своею кровію искупилъ насъ отъ вѣчной смерти и огня неугасимаго. Кто ради Бога претерпитъ скорбь, тотъ симъ путемъ Божіимъ достигнетъ Его блаженства, ибо Богъ сказалъ: возьми крестъ Мой и иди за Мной, и еще сказалъ: кто ради Меня душу свою погубитъ, тотъ найдетъ ее, Выслушавши эти слова, сладчайшія меда, я возвратился домой, какъ бы послѣ обильнаго обѣда. Когда я пришелъ домой, отецъ спросилъ: гдѣ ты былъ? Я досталъ изъ-за пазухи книгу и, показывая ее, сказалъ: я ходилъ къ о. Макарію,—онъ далъ мнѣ эту книгу и велѣлъ учиться. Отецъ сказалъ: ну-ка, почитай. Я началъ ему читать съ запинками. Отецъ мой, послушавши, сказалъ: „ужь если ты столько знаешь, то, пожалуй, на свободѣ учись“. Отъ этихъ словъ свѣтло и радостно стало у меня на душѣ, подобно тому, какъ въ темную ночь освѣтитъ огонь или въ пасмурный день покажется солнце.

(Продолженіе слѣдуетъ).

водку, на половину разбавленную водою, потребляя ее въ большомъ количествѣ на мѣстѣ и покупая ее для контрабанднаго вывоза въ тундры. Вычислено, конечно приблизительно, что на обдорской ярмаркѣ Самоѣды и Остяки на одной водкѣ переплачиваютъ до 60 тысячъ рублей лишнихъ.

Таковъ характеръ мѣновой торговли между русскими промышленниками съ одной стороны и Самоѣдами и Остяками съ другой. Ясно, что слѣдствіемъ подобной торговли можетъ быть только обнищаніе инородцевъ. И дѣйствительно ихъ состояніе есть, какъ мы уже сказали, состояніе положительной нищеты.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Памятное завѣщаніе¹⁾.

Получивши столь отрадное для меня благословеніе отца моего, по вечерамъ, давши скоту корму, я сталъ ходить къ келейнымъ о. Макарію, чтобы продолжать ученіе. Когда у нихъ не было свободнаго времени, я послѣ напрасныхъ ожиданій возвращался домой.

Тамъ былъ одинъ вдовый священникъ по имени о. Василій. Онъ мнѣ много разъ говорилъ: „что у тебя дома дѣла нѣтъ что ли, — что ты шатаешься сюда?“ Слушая эти упреки, я возвращался домой со слезами, говоря самъ себѣ: должно быть я такой ужъ несчастливецъ, что встрѣчаю себѣ въ этомъ такія препятствія.

Еще, — въ одинъ день я пришелъ къ о. Макарію. Онъ тогда пилъ чай. Я подошелъ къ нему, получилъ благословеніе, потомъ отошелъ назадъ и сталъ у двери. О. Макарій сказалъ, „садись тамъ на стулъ“. Я поклонился и сѣлъ. Онъ налилъ мнѣ чаю. Я сталъ пить. Онъ спросилъ меня: „каковъ? хорошо ли живешь?“ Я сказалъ: „слава Богу, — хорошо“. Онъ еще спросилъ:

¹⁾ Продолженіе см. „Правосл. Благов.“ № 5, стр. 182—191.

„по утрамъ молишься ли Богу?“ „Молюсь же“ — отвѣчалъ я. „Такъ ты молишься же? Значить, ты лѣниво молишься. Ты такъ не молись, но молись вотъ какъ: войди въ сердце свое и молись Богу втайнѣ. Когда ты будешь такъ молиться, то Отецъ Небесный дастъ тебѣ царствіе небесное явѣ; когда же молишься, стой со страхомъ какъ будто видишь предъ собою Бога; молясь же, говори такъ: Боже мой, Іисусе Христе, спаси меня грѣшнаго! Много я содѣлалъ грѣховъ предъ лицомъ Твоимъ, спаси меня! Ты незримо для меня видишь меня, знаешь помышленія сердца моего!“ Послѣ этого онъ всталъ, взялъ въ руки евангеліе и, стоя предо мною, сказалъ: въ этой книгѣ написано житіе самого Бога и Его ученіе, а также дѣла и ученіе учениковъ Его. Ты каждый день читай отсюда по одной главѣ. Если ты будешь читать отсюда съ вѣрою, то ты подобенъ будешь слышавшему слово изъ устъ Самого Бога. Сказавши это, онъ перекрестилъ меня, далъ поцѣловать книгу и благословилъ ею меня. Принявши это благословеніе, я съ великою радостію и облегченіемъ пришелъ домой, какъ будто нашедши самоцвѣтный дорогой камень. Эту книгу я показалъ отцу. Отецъ сказалъ: если у тебя есть смыслъ разумѣть слово Божіе, то по этой книгѣ ты будешь учить другихъ, а если нѣтъ, то она будетъ напрасно валяться въ домѣ. Теперь молись Богу, да поможетъ Тебѣ Богъ!

Эта книга была напечатана на двухъ языкахъ: на одной сторонѣ по русски, а на другой по славянски. Да даруетъ Господь, сотворившій небо и землю, блаженство и свѣтъ о. Макарію, чрезъ котораго я сподобился такого блага и счастья, ибо я, подобно птицѣ, собирающей зерна, по наставленію его, научаясь заповѣдямъ Божіимъ, сталъ проводить дни въ радости. Иногда же въ моемъ сердцѣ начинали забываться благодѣянія Божіи, тогда я подобно птицѣ, у которой истощились зерна, собранныя ею въ пищу себѣ, опять приходилъ къ о. Макарію, и онъ опять насыщалъ, услаждалъ и согрѣвалъ меня словами Божіими. Такъ я въ продолженіи трехъ лѣтъ ходилъ къ о. Макарію, подобно пчелѣ, нашедшей для себя готовый медъ. Иногда, когда я дѣлалъ что-нибудь противное Богу, онъ заставлялъ меня плакать, ставя меня на колѣни, чтобы молиться Богу. Да даруетъ

ему Господь Богъ свѣтъ и блаженство! Не худому онъ училъ меня, но только доброму и полезному для души моей.

Однажды я пришелъ къ о. Макарію. У него сидѣли Осипъ Наурчаковъ и Павелъ Сурочаковъ. Отецъ Макарій, увидѣвши меня, подошелъ ко мнѣ и, благословивъ меня, посадилъ на стулъ. Они трое переводили житіе Іосифа, а я сидѣлъ въ сторонѣ. Переводя это житіе на Алтайскій языкъ, они не могли подобрать для перевода русское слово „ибо“. О. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „какъ по вашему сказать „ибс“? Я отвѣтилъ: „вы мнѣ скажите примѣръ“. Онъ представилъ примѣръ. Я сказалъ: „это по нашему значитъ „тезе“. О. Макарій, призвавши послушника Стефана Васильевича, сказалъ: „наставь-ко „желтый“¹⁾),— будемъ на радостяхъ чай пить; много лѣтъ необрѣтаемое слово теперь нашлось!“ Послѣ этого о. Макарій сказалъ мнѣ: „въ свободные дни ты приходи ко мнѣ,—мы вдвоемъ будемъ переводить житіе Іосифа: тебѣ это будетъ полезно и будешь изучать Свящ. Писаніе“. Послѣ этого я въ свободное время приходилъ къ о. Макарію до тѣхъ поръ, пока кончили переводъ житія Іосифа. По окончаніи этого перевода, о. Макарій благословилъ меня образомъ Святителя Митрофана и сказалъ при этомъ: „Съ этого дня ты будешь моимъ толмачемъ для перевода Слова Божія“. Съ этого времени я служилъ у о. Макарія толмачемъ около пяти лѣтъ. Мы вдвоемъ переводили молитвы, а также перевели нѣсколько и изъ Евангелія. Однажды, въ ночное время, во время занятія переводомъ Евангелія, о. Макарій закрылъ глаза и, положивши руки на столъ, сидѣлъ. Я подумалъ, что онъ заснулъ. Онъ такъ неподвижно сидѣлъ около часа; потомъ открылъ глаза и показывая на устье рѣчки Улалы, при впаденіи въ р. Майму, сказалъ: „нѣтъ ли тамъ ключика?“ (маленькой рѣчки). Я сказалъ: на той сторонѣ Маймы есть рѣчка, которая никогда не мерзнетъ. Онъ сказалъ: „тамъ нужно поставить избушку“. Послѣ этого, по прошествіи еще недѣли, онъ такимъ же образомъ, посидѣвши и открывъ глаза, спросилъ, указывая рукой туда же: „нѣтъ ли тамъ ключика?“ Я отвѣтилъ: „тамъ есть рѣчка, ко-

¹⁾ Самоваръ.

торая никогда не мерзнетъ“. Онъ сказалъ: „тамъ надо поставить избушку“. Я подивился этимъ вопросомъ его. Это было зимой. По прошествіи зимы, весной, послѣ Троицы, я пришелъ къ о. Макарію. Онъ, шутя, сказалъ мнѣ: „богатые люди на пирахъ вино пьютъ, а мы бѣдные на пиру будемъ чай пить“, — потомъ прибавилъ, — „если вмѣсто вина будешь чай пить, то будешь здоровъ“; послѣ этого угостилъ меня чаемъ и самъ пилъ. Напившись чаю, онъ сказалъ: „пойдемъ въ поле, походимъ“. Мы вышли, прошли по берегу Маймы противъ острова. Здѣсь на берегу острова росъ черемуховый кустъ. О. Макарій, остановившись подъ этимъ черемошникомъ, сорвалъ одинъ листикъ и долго разсматривалъ его, перевертывая на обѣ стороны. Я подумалъ въ себѣ: „этотъ о. Макарій ровно ребенокъ, еще ничего не видавшій; разсматриваетъ листокъ дерева и дивится, какъ будто въ первый разъ видитъ“. Когда я такъ думалъ, о. Макарій сказалъ: „въ этомъ листикѣ есть и жилки и сѣмечки, нужныя для самого дерева; кромѣ того, есть еще и внутреннее устройство, котораго глазъ человѣческой не можетъ видѣть. Все это полезно для самого дерева и всему такъ быть повелѣлъ создавшій Богъ“. Послѣ этого онъ долго говорилъ мнѣ въ наставленіе. Потомъ пришли мы къ устью Улалы, при впаденіи въ Майму. Когда мы пришли сюда, онъ сказалъ: „на той сторонѣ нѣтъ ли ключика?“ И поднявшись на пальцахъ, внимательно разсматривалъ: нѣтъ ли на той сторонѣ ключика? Я отвѣтилъ: „тамъ есть ключикъ“. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы остановились, былъ островъ Улалы; вода тутъ была небольшая. Я хотѣлъ было положить черезъ нее „переходъ“ (дерево), но о. Макарій остановилъ меня и сказалъ: „ничего“. Потомъ о. Макарій сказалъ: „тамъ на ключикѣ нужно поставить домикъ“. И далъ мнѣ пятирублевую синюю бумажку, сказавши: „это тебѣ нужно будетъ“. Оттуда мы возвратились домой. Потомъ, благословляя меня, онъ сказалъ: „ты завтра приди ко мнѣ чай пить“. На слѣдующее утро я опять пришелъ и, напившись тамъ чаю, опять пошелъ туда же. О. Макарій, остановившись на томъ же мѣстѣ, съ котораго мы вчера смотрѣли, и, опять приподнявшись на пальцы ногъ, разсматривая, сказалъ: „тамъ нѣтъ ли ключика?“ Я отвѣ-

тилъ: „на той сторонѣ Маймы при подошвѣ горы есть ключикъ, который не мерзнетъ“. Онъ сказалъ: „тамъ надо сдѣлать маленькую избушку“ и съ этимъ далъ мнѣ десятирублевую красенькую бумажку, говоря: „это тебѣ нужно будетъ“. Затѣмъ мы возвратились домой. Когда пришли къ дверямъ, онъ благословилъ меня и велѣлъ идти домой. Пришедши домой, я удивлялся случившемуся. Съ того времени до нынѣ это не изглаживается изъ моей памяти и я не понимаю: для чего онъ меня спрашивалъ объ одномъ и томъ же нѣсколько разъ?

Однажды о. Макарій, отслуживши обѣдню, пришелъ домой. Въ это время одинъ человекъ, пріѣхавшій изъ Маймы, зашелъ къ нему. О. Макарій съ гнѣвомъ сказалъ ему: „зачѣмъ ты сегодня, не почитая праздника, нечистымъ приходилъ въ церковь? Развѣ нѣтъ для тебя другихъ дней, кромѣ этого?“ Тотъ стоялъ молча, и потомъ сказалъ: „виноватъ я“. О. Макарій сказалъ: „очисти свой грѣхъ и впередъ такъ не дѣлай“.

Еще въ одинъ день вечеромъ, напившись чаю, о. Макарій сказалъ Михаилу Петровичу ¹⁾: „ты пристрастіемъ своимъ къ деньгамъ сталъ уподобляться Іудѣ, а Степанъ Васильевичъ ²⁾ будетъ миссіонеромъ“. Такой отзывъ о. Макарія о Михаилѣ Петровичѣ Негритскомъ я слышалъ дважды. Онъ былъ сынъ священника. Возвратившись къ отцу, женился, потомъ былъ діаконъ, послѣ этого, судившись съ управителемъ, лишился дьяконскаго сана и сталъ торговать. Вскорѣ послѣ этого, я слышалъ, что онъ умеръ.

Еще однажды, — въ великій постъ во время говѣнія въ церкви народу было много; нѣкоторые пріѣхали изъ деревни Ерихалки. Въ числѣ ихъ былъ старикъ Андрей Табакаевъ. Этотъ старикъ, послѣ приготовленія къ причащенію Св. Таинъ, стоя въ Церкви, увидѣлъ таракана, ползущаго по полу, пошелъ за нимъ и задавилъ его. О. Макарій, увидѣвши это, прогнѣвался и сказалъ старику: „это Божіе созданіе, оно идетъ для своей надобности, а ты, — разумный человекъ, не заботясь о себѣ, —

¹⁾ Одинъ изъ послушниковъ.

²⁾ Ландышевъ, впоследствии протоіерей и начальникъ миссіи.

зачѣмъ сдѣлалъ злое дѣло? Поговѣй же еще недѣлю, а потомъ приступи къ причащенію Св. Таинъ“. И старикъ это исполнилъ.

О. Макарій вечерній чай пилъ всегда вмѣстѣ со всѣми тѣми, кто только находился въ его квартирѣ. Чай онъ пилъ, ходя на ногахъ. Такъ онъ, прохаживаясь взадъ и впередъ, въ это время преподавалъ находившимся свои наставленія, а мы всѣ, сидя, слушали внимательно, не оглядываясь по сторонамъ. Однажды о. Макарій по таковому обычаю своему говорилъ слово назиданія изъ Св. Писанія. Когда Михаилъ Петровичъ оглянулся къ дверямъ, о. Макарій, переставши говорить, подошелъ въ передній уголь и остановился. Такъ, молча, стоялъ онъ тамъ долго. Потомъ, подошедши опять къ намъ, спросилъ Михаила Петровича: „ты что увидалъ тамъ у дверей?“ Михаилъ Петровичъ отвѣтилъ: „я смотрѣлъ, какъ бѣжала тамъ мышь“. О. Макарій сказалъ: „тебѣ Господь повелѣлъ, чтобы ты трудился по заповѣди Его, чтобы ты помышлялъ о немъ день и ночь, а ты развѣ не хочешь учиться Его заповѣдямъ? Смотри на эту мышь и учись у ней. Она, исполняя заповѣдь Божию, ищетъ себѣ пищи, а ты не желаешь развѣ насытить свою душу добрыми дѣлами?“ Послѣ этого онъ заставилъ его молиться Богу, а насъ отпустилъ каждого на свои работы.

Однажды Павелъ Сурочаковъ, стоя въ церкви сзади всѣхъ, надъ чѣмъ-то разсмѣялся. О. Макарій былъ въ алтарѣ. Вышедши оттуда, онъ вызвалъ Павла отъ двери и сказалъ ему: „люди ходятъ въ церковь для того, чтобы плакать или радостно хвалить и славить Бога, а ты пришелъ смѣяться. Не уходи же отсюда, не поплакавши“ — и поставилъ его на колѣни, заставивъ класть поклоны до конца службы.

Еще однажды, нѣкоторые изъ Улалинцевъ отправились въ Ерихалку на праздникъ въ Николинъ день. Тамъ они пили вино и пиво. Возвратились домой нѣкоторые черезъ два дня, а нѣкоторые черезъ три. Когда они возвратились и подъ воскресенье пришли къ вечернему богослуженію, — въ это время служилъ о. Анастасій, — о. Макарій, увидѣвши, что сказанные люди пришли въ Церковь, и похваливъ ихъ за это, сказалъ: „я ра-

дуюсь, что вы были на праздникъ Св. Николая, ибо вы ѣздили туда чествовать его; ради этого вы потили своихъ лошадей и сами терпѣли холодъ. Св. Николай будетъ молиться о васъ". Потомъ онъ спросилъ ихъ: „а вы тамъ молились ли Святителю Николаю: былъ ли тамъ священникъ?“ „Нѣтъ“, — отвѣтили они. О. Макарій спросилъ ихъ: „можетъ быть тамъ есть молитвенный домъ въ честь Святителя Николая?“ „Нѣтъ“, — отвѣчали они. О. Макарій зашелъ въ алтарь, потомъ опять вышелъ и сказалъ: „я ранѣе радовался, а теперь отъ скорби плакалъ бы, если бы были слезы. Горе мнѣ! Я ранѣе радовался, предполагая, что вы ѣздили чтить Святителя Николая, а вы ѣздили, чтобы прогнѣвлять его. Вы допьяна пили вино, пили пиво, извергали блевотину, вы сквернословили, доходили до безчувствія на радость бѣсамъ. Вы ѣздили, чтобы осквернить досточтимый праздникъ Св. Николая“. Послѣ этого онъ всѣхъ ихъ заставилъ класть земные поклоны и они молились до конца службы.

Когда о. Макарій былъ въ Маймѣ, то тамъ учился грамотѣ одинъ крестьянскій мальчикъ. Этотъ мальчикъ привезенъ былъ изъ деревни Кокши; когда настало пахатное время, отецъ пріѣхалъ за нимъ и увезъ его. Зимой отецъ его, Алексѣй Замятинъ, опять привезъ его. Вмѣстѣ съ мальчикомъ они приняли благословеніе отъ отца Макарія. О. Макарій этому Алексѣю сказалъ: „ты зачѣмъ этого мальчика давалъ опрыскивать водой?“ Замятинъ отвѣтилъ: „когда онъ хворалъ, одна старушка „попрыскала“ на него водицей“. О. Макарій сказалъ: „что же онъ выздоровѣлъ, когда „попрыскали“ водицей?“ Замятинъ сказалъ: „когда попрыскали водицей, стало легче и онъ выздоровѣлъ“. Въ это время я былъ тутъ. О. Макарій сказалъ: „ты прогнѣвилъ Бога и осквернилъ свое дитя. Зачѣмъ ты далъ окропить сына своего бѣсовской водой?“ Замятинъ сказалъ: „старушка напередъ освятила воду, потомъ окропила. О. Макарій сказалъ: „а какой священникъ освящалъ ее?“ Алексѣй отвѣтилъ: „та старушка прочитала молитвы надъ водой и подула на нее“. О. Макарій отвѣтилъ: „Ты вѣришь этой старухѣ? Не бѣса ли она призывала на воду?“ Замятинъ сказалъ: „если бы это было отъ бѣса, то мальчикъ не выздоровѣлъ бы,

а когда окропили его этой водой, онъ выздоровѣлъ“. О. Макарій сказалъ: „есть бѣсъ, который принимаетъ видъ добраго. Этотъ бѣсъ многихъ ловитъ на уду свою и дѣлаетъ своими рабами, и когда товарищъ его производитъ въ какомъ-либо человѣкѣ болѣзнь, этотъ притворно добрый бѣсъ говоритъ товарищу: освободи этого человѣка отъ болѣзни; оставь его: послѣ мы всѣхъ ихъ введемъ въ обманъ, и они всегда будутъ насъ призывать. Они не будутъ вѣрить Богу, но будутъ близки намъ. Такъ хвалятся таковыя бѣсы. Обманутые ими люди будутъ вмѣстѣ съ ними въ аду. Зачѣмъ ты сына своего осквернилъ этою бѣсовскою скверной?“ Послѣ этого о. Макарій поставилъ его на поклоны.

Когда Улалинцы начали креститься, то одинъ старецъ нѣкто Борисъ Кочаевъ оставался некрещенымъ. О. Макарій долго его уговаривалъ. Каждую недѣлю онъ ходилъ въ его домъ и рассказывалъ ему о Богѣ. Борисъ сталъ съ ненавистью смотрѣть на о. Макарія, когда онъ приходилъ къ нему. Однажды, когда Борисъ сидѣлъ у дверей своего дома, пришелъ къ нему о. Макарій и, сѣвши возлѣ него, по обычаю, началъ говорить ему о Богѣ: Борисъ, ненавидя его, говорилъ ему напротивъ. О. Макарій долго сидѣлъ и говорилъ съ нимъ. Не могли его убѣдить, о. Макарій сказалъ: „я тебѣ желаю добра, чтобы на твою главу низошла благодать Господня. Много разъ бесѣдовалъ я съ тобой, но ты, кажется, не желаешь сей благодати Божіей. Теперь не я, а ты будешь виноватъ. Мнѣ Богъ повелѣлъ говорить тебѣ и я много говорилъ тебѣ о Богѣ, о Его правдѣ, о Его благодати, обо всемъ говорилъ тебѣ. Ты говоришь: слухъ мой не принимаетъ такихъ словъ; теперь вмѣсто счастья отъ Бога придетъ къ тебѣ несчастіе, вмѣсто милости падетъ на голову твою гнѣвъ Божій.“ Сказавши это, онъ погладилъ его по головѣ и ушелъ. Съ тѣхъ поръ о. Макарій уже не ходилъ въ его домъ. По прошествіи мѣсяца у этого Бориса пропали изъ ящика четыреста рублей денегъ. Черезъ два мѣсяца вымеръ у него весь скотъ, а его было 110 головъ. Изъ всѣхъ лошадей остался у него чалый двухлѣтній жеребенокъ. Этотъ Борисъ Кочаевъ, бывшій богачемъ, въ одинъ годъ обѣднѣлъ. Бѣгая отъ

крещенія, онъ переселился въ Бачать. Потерявши тамъ послѣднее имущество, пріѣхалъ назадъ и поселился въ Монгойтѣ. По недостатку въ скотѣ, находясь въ такомъ бѣдственномъ положеніи, опять перекочевалъ въ Улалу. Здѣсь онъ крестился. Этотъ Борисъ дожилъ до 137 лѣтъ—и умеръ крещенымъ,— имя ему было дано—Василій. ¹⁾

Въ одинъ день вечеромъ о. Макарій у себя въ домѣ, съ послушниками своими напившись чаю, пѣлъ изъ „Лепты“. Я тогда еще грамотѣ не учился. Я съ удовольствіемъ слушалъ ихъ пѣніе. По окончаніи пѣнія, о. Макарій подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „здоровъ ли сынъ твой—Григорій?“ „Здоровъ“,—отвѣтилъ я. О. Макарій сказалъ: „отчего твой мальчикъ такъ красивъ?“ Я молчалъ. А онъ прошелъ въ передній уголъ, потомъ воротился назадъ и, ставши возлѣ меня, сказалъ: „если у тебя будутъ дѣти, отдашь ли ты ихъ на служеніе Богу?“ Я отвѣтилъ: „если будутъ двое, я одного отдамъ“. О. Макарій сказалъ: „ты говори: если Богу угодно будетъ, то всѣхъ отдамъ!“ Сказавши это, онъ спросилъ послушника Степана Васильевича: „ты слышалъ? вотъ онъ обѣщалъ, что если будетъ у него двое дѣтей, то одного изъ нихъ онъ отдастъ на служеніе Богу“. Онъ благо-словилъ меня.

Возвратившись домой, я нашелъ сына своего больнымъ, а на слѣдующій день онъ отошелъ къ Господу. Когда онъ померъ, я пришелъ къ о. Макарію и только что я вошелъ въ двери, онъ спросилъ: „здоровъ ли Григорій Михайловичъ?“ Я сказалъ: „отошелъ къ Богу“. О. Макарій перекрестился и сказалъ: „слава Богу!“ А мнѣ сказалъ: „ты не скорби: онъ за тебя будетъ Богу молиться; ты же послѣ будешь радоваться. У Бога осталось милостей еще недарованныхъ больше, чѣмъ сколько дано“.

Еще однажды вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. О. Макарій съ псаломщиками, съ Анастасіемъ и о. Василиемъ въ одной комнатѣ пили чай. Подавши мнѣ чаю, о. Макарій сказалъ: „ну-ка, толмачъ, масляные глаза,—пей чай“. Я началъ пить. Онъ мнѣ еще сказалъ: „ты не постригай свои волосы“. И я съ того

¹⁾ Въ отчетѣ за 50-е годы въ Творен. Отцовъ.

времени отпустилъ свои волосы. Отецъ мой, замѣтивши это, сказалъ: „почему ты не подстригаешь свои волосы“. Я отвѣтилъ: „мнѣ такъ велѣлъ о. Макарій“. Отецъ мой сказалъ: „не хорошо смотрѣть; такіе волосы носятъ Шорцы“¹⁾. Послѣ этого я опять сталъ подстригать свои волосы. Когда пришелъ я къ о. Макарію, онъ сказалъ: „ты, кажется, воруюшь свои волосы“.

И еще однажды вечеромъ я пришелъ къ о. Макарію. Онъ преподавалъ намъ наставленіе и Слово Божіе. Когда я началъ уходить съ бывшими у него людьми, онъ сказалъ мнѣ: „я хочу просить тебя у отца твоего; не желаешь ли ты быть моимъ?“ Я сказалъ: „буду, если отецъ благословитъ“. Послѣ этого въ одинъ вечеръ онъ призвалъ отца моего и долго продержалъ его у себя. Отецъ мой, пришедши отъ него, сказалъ: „говорить, отдай мнѣ сына своего и потому долго меня продержалъ. Я сказалъ, если желаешь, возьми Адріана, а отецъ Макарій настаивалъ, чтобы тебя взять. Если я тебя отдамъ, пойдешь ли ты?“ Я сказалъ: „онъ меня хочетъ везти въ Россію“. Отецъ сказалъ: „пусть Адріанъ ѣдетъ: у него нѣтъ жены и дѣтей“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Давидъ Брэйнердъ, просвѣтитель краснокожихъ индѣйцевъ въ С. Америкѣ.

(изъ исторіи протестанской миссіи).

Давидъ Брейнердъ родился въ Гаддамѣ, въ новой Англии (въ С. Америкѣ), 20 апрѣля 1718 года. Съ самой ранней юности онъ отличался необыкновенной религіозностью. Но тогда же въ немъ обнаружались не дѣтская серьезность и сильная склонность къ меланхоліи—отличительная черта его характера, которая со-временемъ усилилась и въ послѣдствіи нерѣдко дѣлалась для него источникомъ сильныхъ душевныхъ страданій. Съ 7—8 лѣтъ его

¹⁾ Иностранцы Кузнецкаго округа.

перенесены всѣ церковныя вещи, уцѣлѣвшія послѣ землетрясенія; въ нихъ пока и пріютилась малая братія монастырская.

Н. Комаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Памятное завѣщаніе¹⁾.

Въ одинъ день, когда я въ своемъ станѣ сидѣлъ и пилъ чай, пришли два человѣка. „Здорово!“ — „Здорово“ — отвѣтилъ я. „Что новаго?“ „Нѣтъ ничего“. „Много рыбы добываете?“ — „Ничего, добываемъ“. — „Куда вы ѣдете, братцы?“ — „Только до сюда. Ёсть хочется: нѣтъ-ли сухарей?“ — спросили они. — „Есть; погодите, — я вамъ испеку рыбы: съ сухарями ёсть ее хорошо“. Я испекъ имъ рыбы и далъ. Они стали разговаривать со мной помягче. Я спросилъ: „Вы откуда ѣдете?“ — „Отсюда мы поѣдемъ въ Чулышманъ“ — отвѣчали они. „Какая у васъ нужда въ Чулышманъ, что вы такъ торопитесь, оставивши добычу орѣховъ?“ — спросилъ я. Они отвѣтили: „ѣдемъ туда по необходимости“. Я спросилъ: „какая же такая необходимость?“ Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ: „въ прошедшую зиму у меня умеръ отецъ, а у этого товарища умерла жена, — для этого мы и плывемъ въ Чулышманъ: тамъ есть камъ Ніасъ: хотимъ привезти его, чтобы онъ очистилъ нечистоту нашихъ юртъ“. Я спросилъ: „какая же это нечистота въ вашихъ юртахъ?“ Они отвѣтили: „у нашего народа есть вѣрованіе, что когда умретъ кто-либо, то въ той юртѣ, гдѣ онъ умеръ, остается его нечистота — его „алдачи“ — „ангелъ смерти“ и онъ, говорятъ, возьметъ еще душу, если его не изгонять при помощи сильнаго кама, и онъ, говорятъ, унесетъ и всѣхъ остальныхъ людей“. Я сказалъ: „развѣ среди Тергешцевъ не нашлось кама, который бы могъ его выгнать?“ Они отвѣтили: „во всей этой черни нѣтъ кама, который былъ бы такъ же силенъ, какъ Чулышманскій камъ“

¹⁾ Продолженіе. См. „Правосл. Благов.“ № 11, стр. 124—131.

Ніасъ“. Тогда я началъ имъ говорить: „Богъ Іисусъ Христосъ, Который могъ создать небо и землю, Онъ одинъ можетъ очистить человѣка отъ скверны и изгнать отъ него бѣса; кромѣ же Его, никакой камъ человѣка очистить не можетъ“. Они сказали: „да вѣдь наши камы, когда изгоняютъ бѣсовъ, тоже призываютъ Бога“. Я сказалъ: „какого же Бога призываютъ ваши камы?“ Одинъ изъ нихъ сказалъ: „отца всѣхъ богатаго Ульгения, а также призываютъ хозяина земли и воды“. Я сказалъ: „и землю, и воды, все видимое и невидимое, все живущее, все, что на этомъ свѣтѣ есть, создалъ истинный Господь Богъ въ 6 дней и послѣ всего сотворилъ отца всѣхъ народовъ Адама. Кромѣ Него никакого другаго Бога нѣтъ. Тотъ, въ кого вы вѣруете, именуя его богомъ,—не Богъ. Богъ не земля, не небо, не мѣсяцъ и солнце,—не гора высокая, не воды морскія и что-либо такое подобное этому. Истинный Богъ — Іисусъ Христосъ: Онъ всегда былъ, всегда есть и всегда будетъ“. При этомъ одинъ изъ нихъ молодой сказалъ: „вы мнѣ расскажите объ этомъ Адамѣ, котораго вы назвали отцомъ всѣхъ людей. Я вамъ сегодня ночью поневожу рыбы“. Я отвѣтилъ: „если я полѣнюсь говорить Слово Божіе тому, кто вопрошаетъ о томъ, то мнѣ будетъ грѣхъ, ибо Богъ сказалъ: грядущаго ко Мнѣ не изгоню вонъ. Поэтому, если я полѣнюсь говорить Слово Божіе желающему слушать его, то будетъ мнѣ грѣхъ, а если кто, выслушавши слово, не повѣритъ ему, то ему грѣхъ“. Онъ отвѣтилъ: „почему не вѣрить тому, что говоритъ человѣкъ,—научившійся изъ Божіей книги?“ Послѣ этого я рассказалъ ему все, начиная отъ Адама до Рождества Христова, а затѣмъ о послѣднемъ вѣкѣ и о воскресеніи мертвыхъ и страшномъ судѣ. Стало уже смеркаться. Этотъ молодой инородецъ остался ночевать у меня въ станѣ, а другой пошелъ ночевать въ другую юрту. Послѣ этого этотъ молодой инородецъ въ продолженіи ночи неводилъ вмѣстѣ съ нами; на утро Тибанъ (такъ звали инородца) сказалъ: „черезъ два дня я приведу сюда своихъ домашнихъ; вы побесѣдуйте съ ними о Богѣ“. Я отвѣтилъ: „почему не побесѣдовать,—приведи“. И такъ Тибанъ не поѣхалъ къ Чулышманскому каму, а отправился къ своимъ домашнимъ.

Приѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ товарищъ его по имени Чалъ отправился къ Чулышманскому каму Ніасу, а Тибанъ поѣхалъ къ своимъ домашнимъ. Черезъ три дня, на четвертый онъ приѣхалъ ко мнѣ, взявши съ собой мать, сестру и младшаго брата. Какъ только они приѣхали, я имъ испекъ рыбы, а самъ говорилъ съ ними изъ Божьяго Писанія и они съ удовольствіемъ слушали эту бесѣду мою. Насталъ вечеръ и они ночевали у насъ. На утро Тибанъ сказалъ: „сегодня помочь у зайсана Орожока;—мы пойдѣмъ къ нему на помочь: какъ бы меня послѣ люди не побиили за то, что я хочу креститься; вы послѣ придите посмотрѣть меня“. Сказавши это, Тибанъ съ домашними отправился къ зайсану на помочь. Когда я, надѣвши ружье, отправился на ихъ пашни, гдѣ они жнутъ хлѣбъ, стрѣляютъ рябчиковъ, то встрѣтилъ около тридцати человѣкъ, которые жали ячмень. Нѣкоторые изъ нихъ жали серпомъ, а другіе, вырывая хлѣбъ съ корнями, прижимали его къ землѣ ногами и рѣзали ножемъ. Я сказалъ: „почему вы такъ мучаетесь, а не жнете хлѣбъ серпами?“ Они отвѣтили: „среди насъ есть такіе, которые отъ рожденія не бирали въ руки серпа, поэтому, по старому обычаю мы выдергиваемъ хлѣбъ и отрѣзываемъ корни ножами“. Я сказалъ: „развѣ нельзя научиться жать серпомъ!“ „Если бы Кумандинцы не привезли къ намъ для продажи серповъ, то у насъ не было бы и этихъ. Мы привыкли дѣлать по старымъ обычаямъ, поэтому, когда бываемъ у русскихъ, то забываемъ купить серпы“. Послѣ этого я опять возвратился въ станъ. Солнце закатилось за гору. Отъ зайсана Орожока на лодкѣ прибыли ко мнѣ два человѣка и сказали: „васъ зоветъ къ себѣ зайсанъ;—поѣдете-ли къ нему?“ Я вмѣстѣ съ женой сѣлъ въ лодку и отправился къ зайсану. Когда мы пришли, то нашли тамъ около 40 человѣкъ пьяныхъ; посрединѣ разложенъ огонь, а на немъ поставленъ треножный очагъ съ большимъ котломъ, въ которомъ варились цѣльныя кости животныхъ. Зайсанъ, замѣтивши приходъ нашъ, взялъ насъ за руки и посадилъ на войлокъ (шердекъ), гдѣ и самъ сидѣлъ; потомъ взявши мѣхъ съ виномъ, поставилъ его предъ нами, говоря: „вотъ мое пріобрѣтеніе“. По обычаю ихъ, я, принявши это въ руки, сказалъ:

„принялъ, выпилъ, угощайте этимъ другихъ“¹⁾. Зайсанъ, позвавши одного „молодца“, сказалъ: „угощай этимъ“. Молодецъ началъ наливать намъ изъ мѣха и подавать. Мы съ зайсаномъ пили, а жена моя не пила. Въ это время выняли мясо въ большія деревянныя блюда и начали ѣсть. Я посмотрѣлъ и увидѣлъ, что никто изъ нихъ не мылъ рукъ и начали глотать кости, держа ихъ своими грязными руками. Когда сало съ мяса, смѣшавшееся съ грязью рукъ, текло по рукамъ, они ладони облизывали языкомъ, а пальцы клали въ ротъ и обсасывали. Пили и вино. Настала темная ночь. Нѣкоторые стали пѣть, а другіе драться. У иныхъ были оторваны косы, иные дрались головнями. Подравшись, они, какъ малыя дѣти, опять стали вмѣстѣ пить и курить, забывши всякій гнѣвъ. Посидѣвши нѣсколько времени, опять начали шумѣть. А потомъ, смотрю,—они хотятъ бить того Тибана за то, что онъ хочетъ креститься. Тибанъ, взглянувши на меня, сказалъ: „ради Бога на небѣ и царя на землѣ я хочу креститься, — они меня за это хотятъ бить; ради Бога вступитесь за меня“. Тогда я сказалъ: „вы его не троньте; если вы побьете его, я подамъ бумагу въ судъ“. Зайсанъ сказалъ: „добромъ говорите, и не троньте его“. Послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ начали Тибана обнимать и цѣловать, а другіе просто сѣли. Въ это время Тибанъ вышелъ и отправился домой. Я подождалъ и такъ какъ онъ не возвращался, то и самъ также отправился въ свой станъ. Приѣзжаю, а Тибанъ сидитъ здѣсь въ станѣ. Послѣ того, какъ мы возвратились въ станъ, прошло полчаса времени и вслѣдъ за нами приѣхали на лодкѣ 8 человекъ. Въ это время Тибанъ лежалъ, снявши съ себя обувь. Въ числѣ восьми одинъ былъ дюмича Данила. Онъ сказалъ Тибану: „тебя Зайсанъ зоветъ, обувайся скорѣй, — поѣдемъ“. Тибанъ сказалъ: „что хочетъ со мной Зайсанъ дѣлать ночью? не поѣду я“. Они сказали: „Зайсанъ хочетъ тебя поставить дюмичей вмѣсто отца твоего“. Тибанъ отвѣтилъ: „если Зайсанъ хочетъ меня дѣлать дюмичей, то зачѣмъ выслалъ за мной цѣлый полкъ? Вы хотите возбудить противъ меня Зайсана за то, что я хочу креститься,—не поѣду я!“ Тогда они стали надѣвать на

¹⁾ Удовлетворитесь этимъ, т. е. что не пивши сказалъ: „ярадыгар“.

него обувь. Тибанъ снялъ и бросилъ обувь. Данила сказалъ: „мы тебя свяжемъ и повеземъ“. Въ это время мы лежали и смотрѣли, что будетъ. Они откуда-то достали веревку и начали Тибана связывать. Тибанъ закричалъ, говоря: „Бога ради, освободите меня отъ нихъ“. Тогда я сказалъ зятю моему и работникамъ: „выгоните ихъ нагайкой“. Зять мой Іаковъ съ работниками поднялись съ своихъ мѣстъ, а тѣ люди, подобно испуганнымъ животнымъ, разбѣжались. Нѣкоторые сѣли въ лодку, другіе побѣжали берегомъ. Послѣ ухода ихъ, мы спокойно заснули. На слѣдующій день опять отъ Зайсана пріѣхали люди: 8 женщинъ и 4 мужчины. Они сказали Тибану: „ты Тибанъ—человѣкъ полезный для общества; мы тебя хотѣли поставить вмѣсто отца твоего дюмичей; ты, кажется удаляешься отъ насъ;—теперь, если ты крестишься, то мы — не родня тебѣ; конечно, и твое сердце станетъ для насъ другимъ“. „Развѣ я умирать хочу, что удалюсь отъ васъ и измѣню расположеніе сердца моего къ вамъ? Развѣ я послѣ, крестившись, забуду васъ и улечу, какъ птица и убѣгу, какъ звѣрь, отъ васъ? Что вы плачете о мнѣ?“ И женщины нѣкоторыя плакали, а нѣкоторыя бранили его, а нѣкоторыя говорили: „съ чего ты это, братъ, вздумалъ креститься? развѣ у тебя хлѣба не доставало? развѣ у тебя одежды не было? или родные тебя обидѣли? На что ты осердился, оставляешь насъ и хочешь креститься? Если ты въ чемъ нибудь нуждаешься, не скрывай,—скажи намъ: во всѣхъ нуждахъ твоихъ мы поможемъ тебѣ, вѣдь вотъ здѣсь все твои родственники; развѣ тебѣ не жаль ихъ? оставь, братъ, намѣреніе твое“. Тибанъ сказалъ: „я разъ уже задумалъ: вверху—Богъ, внизу — царь и вамъ ужь меня къ себѣ не возвратить. Лучше отправляйтесь домой и ко мнѣ не пріѣзжайте“. Тогда всѣ заплакали. Тибанъ, видя плачущихъ свою мать, сестру и братьевъ, не могъ удержаться и самъ заплакалъ. Послѣ этого Тибанъ сказалъ: „ну, теперь посылай бумагу къ священнику; пусть пріѣдетъ крестить насъ“. На другой день я возложилъ на этихъ четырехъ кресты, которые далъ мнѣ о. Стефанъ. Черезъ три дня пріѣхалъ ко мнѣ въ станъ Миронъ Кулашевъ изъ с. Майминскаго, которое недалеко отъ Улалы. Я написалъ

письмо о. Стефану и послалъ его съ Кулашевымъ. Послѣ отправки письма прошло около мѣсяца; пріѣхали изъ Улалы о. Василій и о. Смарагдъ и крестили ихъ. Тибанъ нареченъ былъ Іоанномъ, а мать его Анной, сестра Евдокіей, младшій братъ Сумеономъ. Кромѣ нихъ крестили еще 5 человекъ, а всего было 9.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ западныхъ миссій¹⁾.

I.

Важнѣйшія проявленія интереса къ миссіямъ на протестантскомъ западѣ.—
Миссіонерскія общества.—Католическое миссіонерство.

(Окончаніе).

Цифры, иллюстрирующія миссіонерскіе труды *нѣмецкихъ* протестантовъ, гораздо скромнѣе: онѣ сопоставлены нами въ таблицѣ III, заимствованной изъ „Allg. Missions-Zeitschrift“ Варнека (1894, 86). По ней общая сумма доходовъ всѣхъ нѣмецкихъ мисс. обществъ въ 1892 г. была 3,375,668 марокъ, т. е. 1,042,069 руб. мет.²⁾ Если исключить отсюда пожертвованія, поступившія изъ-за границы (ок. 723,000 мар.) и проценты съ капиталовъ и т. п. доходы (ок. 200,000 мар.), то, по вычисленію Варнека, дѣйствительныхъ сборовъ въ пользу миссій въ самой Германіи оказывается около 2,452,000 мар., т. е. среднимъ числомъ 8 пфениговъ (около 2¹/₂ коп. зол.) на cadaго нѣмецкаго протестанта. Ради сравненія замѣтимъ, что въ Америкѣ на cadaго *полноправнаго* члена церкви приходится около 2 мар. 20 пф. (почти 68 коп. зол.) въ качествѣ пожертвованія въ пользу иностранныхъ миссій (Calwer Miss. Blatt 1894, 40) или на cadaго протестанта³⁾—66 пфениговъ (ок. 20 коп. зол.), т. е. въ 8¹/₄ раза больше чѣмъ въ Германіи!

1) Окончаніе. См. „Прав. Благов.“ № 11 стр. 136—140.

2) Принимаемъ 1 герм. марку=30,87 коп. мет.

3) Принимая численное отношеніе общаго числа протестантовъ къ числу полноправныхъ членовъ церкви въ Америкѣ=10:3 (Allg. Miss.-Zeitschr. 1894. 117).

Памятное завѣщаніе¹⁾.

Однажды, когда общественники на сходкѣ составляли приговоръ, чтобы меня сдѣлать старшиной, пріѣхалъ къ нимъ одинъ чиновникъ. Вышедши изъ экипажа, онъ спросилъ у собравшихся людей: есть ли здѣсь миссіонерскій толмачъ Михайль Чевалковъ? Тогда староста Селифонъ, указывая на меня, сказалъ: вотъ онъ. Чиновникъ, подошедши ко мнѣ, сказалъ: прошедшую зиму я послалъ тебѣ изъ Петербурга письмо, чтобы ты поѣхалъ вмѣстѣ со мной на китайскую границу и былъ моимъ толмачемъ. Получилъ ли ты это письмо? Я отвѣтилъ: такого письма я не видалъ. Онъ сказалъ: я писалъ начальнику миссіи, чтобы ты никуда не отлучался и находился дома. Сказавши это, онъ взялъ меня и пошелъ къ о. Степану; здѣсь онъ спросилъ у него; я посылаю письмо, чтобы Чевалковъ находился дома, дошло ли оно до васъ? О. Степанъ отвѣтилъ: я хотѣлъ сказать Чевалкову, но забылъ, потому что у меня дѣла много. Чиновникъ сказалъ: отпустите его со мной. О. Степанъ отвѣтилъ: онъ теперь не служить у меня толмачемъ. Общество хочетъ его сегодня поставить старшиной. Чиновникъ спросилъ меня: правда ли, что тебя хотятъ поставить старшиной? Я отвѣтилъ: вы видѣли, что народъ собрался и пишутъ приговоръ; они пишутъ о томъ, чтобы меня поставить старшиной. Чиновникъ, напившись чаю, потребовалъ къ себѣ старосту и сказалъ: Чевалковъ долженъ по казенной надобности быть при мнѣ толмачемъ и сопровождать мнѣ на китайскую границу. Имя его извѣстно и въ Петербургѣ; онъ мнѣ нуженъ; вы напишите приговоръ, что онъ освобождается отъ должности старшины. Тогда они поставили старшиной Константина Чевалкова. Я, пробывши дома два дня, от-

¹⁾ Продолженіе. См. „Пр. Благов.“ № 14, стр. 250—262.

правился съ „Принцемъ“ (фамилія чиновника). Напередъ мы обозрѣвали и собирали свѣдѣнія о Кумандинскихъ и черневыхъ инородцахъ; на ночлегахъ я рассказывалъ имъ изъ Св. Писанія. Оттуда, по берегу р. Біи, мы прибыли въ Кебезень; тамъ прогнавши, отправились на Телецкое озеро; на Телецкомъ озерѣ, при Артуашѣ, ночевали. Собиравшемуся тамъ народу я рассказывалъ о Богѣ. Чиновникъ сказалъ: о чемъ ты рассказываешь этому народу? О Богѣ, — отвѣтилъ я. Чиновникъ сказалъ: если не дѣнь, говори: это не худо. Оттуда мы отправились далѣе на лодкѣ; сдѣлавши два ночлега, прибыли на устье Чулышмана, при впаденіи въ озеро. Тамъ на Кырс-аѣ семь человекъ Соенцевъ занимались торговлей. Они сказали: мы здѣсь живемъ седьмой десь; здѣшній народъ не позволяетъ намъ ѣхать далѣе. Въ этомъ Кырс-аѣ китайскій чиновникъ анбынь поставилъ здѣсь обою (насыпь изъ камней) и сказалъ: я у васъ здѣсь возобновилъ прежнее катайское обою. Изъ русской земли безъ ярлыка чрезъ это мѣсто (нашу землю) пусть никто не проѣзжаетъ. Теперь мы и хотимъ возвратиться домой, говорили Соенцы. Чиновникъ мой сказалъ: если эти люди и насъ не пропустятъ, то какъ мы поѣдемъ? они, кажется, намъ и подводъ не дадутъ. Я отвѣтилъ: я найду способъ проѣхать; завтра же утромъ мы поѣдемъ отсюда вверхъ; чиновникъ мой сказалъ: ты ихъ не раздражай: это по виду дурные люди. Я отвѣтилъ: нѣтъ, они бояливый и смирный народъ; я прежде бывалъ у нихъ. Въ это время собралось сюда до тридцати человекъ Теолѣсовъ. Я сказалъ имъ: дайте намъ подводы. Они отвѣтили: вы куда ѣдете? „Ѣдемъ въ верховья Чуи, — отвѣтилъ я“. — Сюда пріѣзжалъ изъ китайской земли большой чиновникъ анбынь, отрѣзалъ эту землю и сказалъ: чтобы отъ устья Чулышмана вверхъ русскій народъ не проѣзжалъ; поставленное имъ обою находится вотъ здѣсь на Кырс-аѣ. Я сказалъ: „изъ русскихъ чиновниковъ кто-нибудь былъ съ нимъ?“ Они отвѣтили: „нѣтъ“; были одни китайскіе чиновники и юрганы. Я сказалъ: если такъ, то это значитъ, что они украдкой отрѣзали землю бѣлаго царя; вѣдь землю два государя обыкновенно дѣлятъ между собой. Поэтому, должны быть чиновники и отъ бѣлаго царя; какъ же китайскій анбынь

своею властью отрѣзаль землю, принадлежащую бѣлому царю? Они отвѣтили: отъ анбына есть и бумаги о нарѣзкѣ земли: одна бумага у Чулышманскаго бошки (младшій волостной чинъ) Тоарги, а другая у дюмючи Сомокака, живущаго въ Коо. Я сказалъ: пошлите людей, чтобы привезли эти бумаги. Они послали человека; мы напилсь чаю и легли спать. На утро, смотримъ, возлѣ огня сидитъ народу больше вчерашняго. Я подошелъ къ нимъ. Они сказали: бумаги привезли ночью; будете ли теперь смотрѣть? Я взялъ бумаги въ руки, немного посмотрѣлъ и пошелъ въ станъ. Пришедши сюда, сѣлъ и сталъ смотрѣть, потомъ положилъ бумагу въ карманъ. Спустя немного времени они пришли вслѣдъ за мной и спросили: прочитали ли вы эти бумаги? Я сказалъ: читалъ. — Что же написано? спросили они. Я наугадъ сказалъ: въ этихъ бумагахъ о нарѣзкѣ земли не говорится; а написано здѣсь, чтобы готовы были подводы, запасы, чтобы народъ собрался и ожидалъ. Тогда они сказали: мы неграмотные, почему мы знаемъ? Когда они стали послѣ этого просить бумаги назадъ, я отвѣтилъ имъ: я вамъ не дамъ; это фальшивыя бумаги; теперь поѣдемъ въ верховья Чуи и тамъ покажемъ ихъ Зайсанскому писарю, а отъ васъ пусть ѣдутъ съ нами два „бошки“. Во время этого разговора Андрей Густавовичъ Принцъ вышелъ изъ палатки и спросилъ: о чемъ вы разговариваете? Я рассказалъ все, о чемъ мы говорили. Онъ сказалъ: бумаги не отдавай имъ назадъ. Когда я не сталъ отдавать, то они отправились въ свой станъ, а мы сѣли и стали чай пить. Чиновникъ мой сказалъ: что теперь дѣлать? Я отвѣтилъ: просить подводы. Онъ сказалъ: если не дадутъ, драться нельзя, возвратимся озеромъ назадъ. Я отвѣтилъ: вы смотрите; они не будутъ меня бить; они народъ смирный. Сказавши это, я закричалъ имъ, чтобы они пришли къ намъ и они всѣ къ намъ подошли. Чиновникъ мой былъ человекъ молодой. Онъ ушелъ въ палатку. Я сказалъ Теолёсамъ: вы дадите намъ подводу? Мы давать вамъ подводы боимся государя нашего. Я сказалъ: да вѣдь вы живете на землѣ бѣлаго царя; на его землѣ пашете. Если вы не дадите подводы чиновнику, который назначенъ отъ бѣлаго царя, то мы, не уѣзжая отсюда, пошлемъ человека съ бумагой въ Бійскъ. Если от-

туда придуть съ силою, то что вы будете дѣлать? Они отвѣтили: мы боимся, чтобы начальникъ нашъ анбынъ осматривавшій „обою“ не обвинилъ насъ въ томъ, что мы пропустили русскаго чиновника. Тогда я сказалъ имъ: вы не будете виноваты, а виноватъ будетъ начальникъ вашъ анбынъ, ибо почему онъ поставилъ пограничный знакъ, не имѣя на то приказаній отъ двухъ государей? Послѣ этого я призвалъ упомянутыхъ Антонова, Лучшева и двухъ братьевъ Тузиковыхъ съ работниками, ѣхавшихъ къ Соенцамъ для торговли, и раскидали вмѣстѣ съ ними „обою“. Теолёсы молчали, а я сказалъ: приготовьте скорѣй подводы. Они немедленно приготовили подводы и закололи намъ на запасъ черную овцу. Мы поѣли и отправились. Черезъ три дня прибыли на Кош-агашъ (Кожегачъ); провожавшіе насъ ямщики были бѣдные люди. На ночлегахъ я давалъ имъ сухарей и они были ко мнѣ ласковы. Когда я спросилъ у нихъ: вашъ анбынъ много получилъ подарковъ отъ народа? Они отвѣтили: взялъ около семидесяти лошадей и много лисицъ и соболей. Я спросилъ, какъ онъ говорилъ: за что бралъ это? Они отвѣтили: говорилъ за то, что я вамъ земли отрѣзалъ. Мы ночевали на Кожегачѣ. Къ намъ собрались всѣ Чуйскіе старшины и почетные люди и оставовились станомъ недалеко отъ нашего стана. Начальникъ мой сказалъ мнѣ: побываемъ въ юртахъ у зайсановъ. Тогда я отъ общества попросилъ лошадей. Съ чиновникомъ мы отправились въ юрту зайсана Чичкана. Чичканъ зайсанъ угощалъ насъ чаемъ. Посидѣвши, я началъ говорить о пограничныхъ знакахъ, которые поставилъ анбынъ въ Кырсаѣ. Зайсанъ сказалъ: этотъ анбынъ, пока былъ здѣсь, объѣлъ здѣшній народъ до разоренія. Онъ говорилъ, что теперь изданъ какой-то новый законъ. Я сказалъ: вы лучше перейдите въ подданство къ бѣлому царю, чѣмъ быть всегда объѣдаемыми китайцами. Зайсанъ отвѣтилъ: если бы бѣлый царь принялъ насъ, то мы перешли бы къ нему. Я отвѣтилъ: эта земля, на которой вы живете принадлежитъ бѣлому царю; вѣдь вы для этого платите ему и коланъ. Поэтому вамъ легче будетъ давать податъ въ одну сторону, чѣмъ на двое. Анбынъ, коль скоро уже разъ нашель на васъ, такъ каждый годъ будетъ поѣдать васъ. Зайсанъ от-

вѣтилъ: завтра я соберу всѣхъ лучшихъ и почетныхъ людей и приду съ ними въ вашъ станъ, а вы съ ними поговорите. Послѣ этого разговора мы возвратились на ночлегъ въ свой станъ. На слѣдующее утро къ намъ собралось много людей. Съ ними прибылъ и зайсанъ Чичканъ. Чиновникъ мой изъ палатки не выходилъ, онъ писалъ тамъ бумаги. Собравшемуся народу я разъяснилъ обманъ анбына и въ заключеніе сказалъ: анбыны и юрганы обманомъ каждый день собираютъ съ жителей Чулышмана на запасъ себѣ по сороку головъ скота. Изъ нихъ съѣдая на день только по три, остальное продаютъ тамошнимъ жителямъ (китайцамъ). Такое поведеніе ихъ ужели не разорительно для васъ? Съ Чулышманскаго общества они взяли около 70 лошадей, обѣщая имъ нарѣзать земли и сверхъ того взяли много лисицъ и соболей. Это ли благорасположеніе къ вамъ анбына? Вѣдь они хотятъ, обглодавши васъ до чиста, передать васъ ни съ чѣмъ (одни только души) бѣлому царю. Вы теперь напишите все, что дѣлалъ у васъ анбынъ и подайте бумагу старшимъ его начальникамъ. Тогда вы узнаете всю его правду и ложь. Тогда они сказали: мы посовѣтуемся; и потомъ, разведши огонь подъ тальникомъ, долго тамъ сидѣли и совѣщались. Въ это время чиновникъ мой позвалъ меня пить чай. Я зашелъ въ палатку и пилъ вмѣстѣ съ нимъ чай. Онъ сказалъ мнѣ: о чемъ вы съ ними разговаривали? Я рассказалъ все, что я имъ говорилъ. Чиновникъ спросилъ: а согласны ли они? Я отвѣтилъ: они тамъ собрались посовѣтоваться между собой. Напившись чаю, я пошелъ туда, гдѣ они сидѣли. Они сказали: если бѣлый царь насъ не приметъ, то намъ не остаться бы виноватыми предъ обоими государями. Я сказалъ: вѣдь земля, на которой вы живете, принадлежитъ бѣлому царю; поэтому, чего же вамъ бояться? Вы дайте слово перейти къ бѣлому царю, а этотъ чиновникъ пошлетъ къ государю бумагу; тогда два государя посовѣтуются между собой. Они сказали: „что будетъ, то и будь; — перейдемъ къ бѣлому царю“ и всѣ дали мнѣ руки. Тогда я пришелъ и сказалъ моему начальнику: они дали мнѣ руки, что перейдутъ къ бѣлому царю. Чиновникъ, услышавши это, засмѣялся и сказалъ: неужели въ самомъ дѣлѣ они хотятъ перейти? и больше ничего не сказалъ.

Мы, почевавши здѣсь, пріѣхали въ одни сутки къ пограничному знаку „Соокъ“. Тамъ мы встрѣтились съ однимъ чиновникомъ и почевали. На слѣдующій день на обратномъ пути почевали въ дорогѣ. На четвертыя сутки прибыли въ Яйляушъ. Оттуда чрезъ двое сутокъ пріѣхали въ Кайрылыкъ. Когда я изъ Кайрылыка собрался ѣхать домой, начальникъ мой далъ мнѣ 67 рублей.

На другой годъ я у себя дома занимался кузнечной работой. Въ это время отъ губернатора пришла ко мнѣ бумага. Когда я бумагу взялъ въ руки, зашелъ ко мнѣ о. Акакій. О. Акакій сказалъ: эту бумагу губернаторъ писалъ въ Бійскѣ при мнѣ. Онъ велитъ тебѣ ѣхать въ с. Алтайское и тамъ дожидаться его. Онъ тебя хочетъ имѣть у себя толмачемъ и взять тебя съ собой на Кожегачъ. Ты завтра утромъ скорѣй поѣзжай туда, въ этой бумагѣ писано, чтобы тебѣ дали подводы. Поэтому я въ слѣдующій день пріѣхалъ туда и ожидалъ у квартиры, гдѣ долженъ остановиться губернаторъ. Черезъ часъ прибылъ губернаторъ. Вышедши изъ экипажа, онъ зашелъ въ домъ и потомъ вскорѣ опять вышелъ изъ дому и спросилъ у общественниковъ: имѣтъ ли здѣсь Чевалкова? Я сказалъ: вотъ я здѣсь. Онъ сказалъ: иди сюда. Когда я подошелъ къ нему, онъ поздоровался со мной, взялъ меня за руку и повелъ въ комнату. Здѣсь онъ сказалъ мнѣ: минувшій годъ ты ѣздилъ на Кожегачъ? Я отвѣтилъ: ѣздилъ съ Принцемъ. Онъ улыбнулся и сказалъ: ты тамъ взялъ въ плѣнъ двѣ волости, а теперь поѣдемъ туда, чтобы удостовѣрившись, написать объ этомъ. Тебѣ самому нужно и быть толмачемъ. Есть ли у тебя лишняя одежда? Я сказалъ: я взялъ. — Хорошо, — отвѣтилъ онъ. Послѣ этого мы отправились и черезъ двое сутокъ прибыли въ Ангудай. На улицѣ собралось много алтайцевъ и зайсановъ ихъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ: здѣсь два человѣка судятся между собой; пойдѣ, разбери между ними дѣло; тамъ есть зайсаны, пусть они слушаютъ; когда кончишь разбирательство, приди и скажи мнѣ. Лишь только я вышелъ на улицу, казенный толмачъ Карбышевъ, вышедши къ народу, сказалъ зайсанамъ: губернаторъ приказалъ, чтобы этотъ толмачъ Чевалковъ, разобралъ тяжбы дѣла.

Гдѣ здѣсь Таакъ и Курманъ Черновъ? Пусть Чевалковъ разбираетъ ихъ дѣло. Я, выслушавши ихъ спорное дѣло, Курмана Чернова обвинилъ, а Тааку передалъ шесть лошадей. Послѣ этого пришелъ и разсказалъ объ этомъ губернатору. Губернаторъ Лерхе вышелъ и спросилъ у зайсановъ: нравится ли вамъ такое рѣшеніе дѣла? — Нравится, — отвѣчали зайсаны. Губернаторъ сказалъ: напишите же мнѣ бумагу, что вы согласны съ такимъ рѣшеніемъ. Они написали и приложили свои печати.

Отправились изъ Ангудая, мы прибыли въ Кош-Агачъ въ четверо сутокъ. Дорогой я скорбѣлъ въ душѣ своей: „что если Чуйскіе зайсаны откажутся и скажутъ, что мы не давали слова перейти въ подданство бѣлому царю? вѣдь мнѣ будетъ худо! со страхомъ думаю я!“ По прибытіи въ Кожегачъ, мы остановились въ домѣ Гилева. Тамъ въ это время собирались Чуйскіе зайсаны, почетные люди и общественники. Губернаторъ, сошедши съ лошади и поставивши меня возлѣ себя, сказалъ имъ: узнаете ли вы этого человѣка? Они отвѣтили: мы его видали много разъ. Губернаторъ спросилъ: въ прошедшій годъ онъ что вамъ говорилъ? Они отвѣтили: говорилъ намъ, чтобы мы перешли къ бѣлому царю. Губернаторъ спросилъ: и вы обѣщались перейти? Они отвѣтили: если бѣлый царь приметъ насъ, то перейдемъ; въ этомъ мы дали и руки этому толмачу. Губернаторъ сказалъ: теперь желаете ли перейти? Желаемъ, отвѣтили они. Тогда на душѣ у меня стало свѣтло и я весьма обрадовался. Губернаторъ же сказалъ засѣдателю Судовскому: ты перепиши весь этотъ народъ и вели зайсанамъ приложить свои печати. На слѣдующій день прибыли для свиданія съ губернаторомъ китайскіе военные чиновники. У нихъ было два толмача и у насъ два толмача; всего насъ переводчиковъ было четверо. На другой день одинъ юрганъ, прибывшій послѣ военныхъ чиновниковъ, сказалъ: тотъ юрганъ, который обманывалъ Чуйскій народъ, обѣщавши имъ нарѣзать земли, не доѣзжая досюда, на дорогѣ удавился. На слѣдующій день утромъ рано я увидалъ, что китайскіе солдаты, сдѣлавши изъ камней большую насыпь и ставши около нея, совершали молитву. Молились около полчаса. Послѣ этого губернаторъ, увидавши меня, сказалъ: ты, Чевалковъ, что сегодня

видѣлъ во снѣ? — Во снѣ ничего не видалъ, а такъ видѣлъ, какъ китайскій отрядъ дѣлалъ насыпь изъ камней и совершалъ моленія. Послѣ этого губернаторъ, собравши купцовъ (русскихъ), пригласилъ ихъ пить чай и сказалъ имъ: „сколько вы здѣсь лѣтъ торгуете, а у васъ здѣсь нѣтъ молитвеннаго дома, куда бы можно было придти Богу помолиться. Здѣсь нужно устроить церковь. Посоветуйтесь между собой и устройте. Вотъ и монголы-язычники по своей вѣрѣ, устроивши обою, совершаютъ молитвы, а вамъ, исповѣдующимъ святую вѣру, не стыдно ли предъ этими людьми, держащимися черной вѣры? Я сдѣлаю прикладъ денегъ на основаніе церкви, а вы остальное между собой соберите и выстройте церковь! Послѣ этого по подпискѣ пожертвовали, кто сколько могъ. Гилевъ обѣщался завѣдывать постройкой и чего не достанетъ, дать отъ себя. Такимъ образомъ, тамъ устроилась церковь. Мы тамъ прожили трое сутокъ, а на четвертый день стали подыматься вверхъ по рѣчкѣ Яль-Аташъ. Когда подъѣзжали къ вершинѣ рѣчки, то увидѣли, что вся долина отъ горы до горы (отъ берега до берега) была покрыта сплошнымъ льдомъ. По этому льду лежала дорожка, усыпанная землей. Въ это время была середина лѣта и стояли жаркіе дни, но не смотря на такую жару, ледъ нисколько не таялъ. Когда мы ѣхали по этому льду, въ одномъ мѣстѣ увидѣли большой провалъ. Отдавши свою лошадь провожатымъ, я подошелъ посмотреть и оказалось, что толщина льда въ этомъ провалѣ была около 5 аршинъ, а пустота подъ этимъ льдомъ около 20 сажень. Внизу этой пустоты видны были деревья безъ коры: лиственница и пихта. Я спросилъ у тамошнихъ обитателей: когда растеть этотъ ледъ? Они отвѣтали: и наши-то предки не видывали, чтобы этотъ ледъ таялъ. Это, должно быть, такъ стоитъ споконъ вѣка. Губернаторъ сказалъ: въ прежнія времена въ этомъ мѣстѣ было тепло; вслѣдствіе этого и росли деревья; теперь съ каждымъ годомъ поверхность земли охладѣваетъ; въ послѣдствіи чрезъ тысячу лѣтъ рѣка Чуя превратится въ ледъ, который и лѣтомъ не будетъ таять.

Ѣдемъ далѣе. Въ одномъ мѣстѣ земляной провалъ. Подъ землей пустота; толщина слоя земли около аршина, подъ ней

ледъ толщиной около аршина; на поверхности земли зеленая трава; полъ льдомъ же земли вовсе нѣтъ — одни камни. Губернаторъ сказалъ: пространство между землей и камнями зимой было наполнено водой. Эта вода подымала землю вверхъ; когда настала морозъ, вода обратилась въ ледъ; когда же стало тепло и нижняя часть льда, бывшаго подъ землей, стала таять и, обратившись въ воду, стекла, то вслѣдствіе этого и образовалась пустота. Теперь оставшійся ледъ никогда не растаетъ. Послѣ этого мы поѣхали къ Ажу (перевалу). Я увидѣлъ здѣсь льдины, отколовшіяся отъ ледяныхъ горъ. Самыя большія изъ этихъ льдинъ величиною были съ холмъ. Переѣхавши черезъ перевалъ, мы спустились въ Язадырь. Оттуда спускаясь внизъ, достигли рѣчки, называемой Адаганъ. Переѣхали чрезъ нее на плоту. Далѣе рѣчку Коксу переѣхали на лошадяхъ. Тамъ ночевали. Послѣ этого сдѣлали ночлегъ среди кустарника, находившагося внизъ по теченію рѣчки Аржана. Отправившись оттуда, прибыли на ночлегъ въ деревню Фыкулку. На слѣдующій день губернаторъ далъ мнѣ 76 рублей и я возвратился домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Монастырь на Амурѣ.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1894 года № 156 сообщено что Святѣйшій Синодъ призналъ своевременнымъ положить начало учрежденію иноческой обители въ Пріамурскомъ краѣ. На вопросъ объ учрежденіи мужского монастыря въ Пріамурскомъ краѣ — вопросъ не новый; онъ возникъ одновременно съ перенесеніемъ Камчатской архіерейской кафедры изъ Якутска въ г. Благовѣщенскъ на Амурѣ. Вотъ что писалъ преосвященный Иннокентій — первый архіепископъ Камчатскій — въ отчетѣ за 1862-й годъ, представленномъ Святѣйшему Синоду при донесеніи, отъ 18 декабря 1862 года за № 1102: „Монастыри всегда считались и дѣйствительно были необходимыми въ тѣхъ окраинахъ

Памятное завѣщаніе¹⁾.

Пріѣхавши въ Чулышмань, я до двухъ лѣтъ обучалъ новокрещенныхъ всему тому, что нужно было для нихъ: и сани дѣлать, и телѣгу устраивать и соху направлять, и избу строить и тесъ пилить; обучалъ и другимъ дѣламъ домохозяйства. Каждую недѣлю по ночамъ, доколѣ не приходила пора спать, — я собиралъ ихъ въ училище и бесѣдовалъ съ ними. Послѣ этого училъ ихъ молитвамъ и отпускалъ домой. Молодымъ людямъ, приходившимъ изъ Алагана, Башкоуса и Чедры, я дарилъ буквари. Поучивши ихъ немного, хвалилъ за успѣхъ и отпускалъ домой. Прежде всѣхъ учился Николай Майзамъ. Получивши отъ меня букварь, онъ ходилъ съ нимъ въ каждую юрту и по-немногу обучалъ. Посылалъ я къ нимъ также учителя Андрея Паяркина и онъ ходилъ по юртамъ, обучалъ по-маленьку букварю и, когда они выучивали азы, возвращался домой. Изучившіе букварь обучали этому и другихъ. Научившихся такимъ образомъ было болѣе 100 человекъ. Съ тѣхъ поръ они стали учить другъ друга.

Однажды я отправился къ некрещенымъ, жившимъ въ мѣстности, называемой Копушь. Тамъ было три юрты. Зашелъ я въ одну изъ нихъ и увидѣлъ въ передней сторонѣ юрты, гдѣ стоятъ сумы съ имуществомъ, лежитъ букварь. Я спросилъ: кто учится по этому букварю? Одна молодая женщина сказала: я училась. Я заставилъ ее прочитать; прочитала она хорошо. Кто тебя училъ? спросилъ я ее. „Николай Майзамъ немного училъ, а иногда прошу знающихъ людей, чтобы они показали мнѣ“. Я похвалилъ ее, говоря: отсюда ты, узнавши истиннаго Бога, будешь чадомъ Его. Она сказала: для того я и учусь,

¹⁾ Окончаніе. См. „Правосл. Благов.“ № 16, стр. 367—380.

чтобы быть чадомъ Божиимъ. Я сказалъ: если будешь твердо вѣрить въ Бога и крестишься, то будешь счастлива, дочь моя. Послѣ этого я рассказалъ ей о Богѣ и о благодати Божіей. На другой годъ она крестилась, а съ ней крестились 17 человекъ.

Однажды я отправился въ вершину Башкоуса; тамъ крестилъ 9 человекъ; заходилъ въ юрту некрещенаго язычника Семенова, побесѣдовалъ съ нимъ о Богѣ. Посидѣвши, я взглянулъ въ переднюю сторону юрты и увидѣлъ тамъ на сумахъ, въ которыхъ хранился имущество, разосланъ платъ, а на немъ лежить букварь. Я спросилъ: кто это изъ васъ учится грамотѣ? Семеновъ сказалъ: Николай Майзамъ, который съ вами ѣздитъ, онъ далъ это нашимъ ребятамъ. Теперь учатся у меня два сына; одинъ изъ нихъ хорошо разбирается. Теперь они уѣхали къ Соенцамъ; вотъ если бы они были дома, то вы послушали бы ихъ.

Живя въ Чулышманѣ, я каждый годъ въ январѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Улалу на общее собраніе миссіонеровъ. Въ Улалу ѣздилъ я чрезъ Телецкое озеро на лодкѣ. Это озеро зимами бываетъ весьма бурно и днемъ, и ночью. Берега этого озера окаймлены горными гутесами, такъ что нельзя ни на лошади проѣхать, ни пѣшкомъ пройти, а на озерѣ была страшная буря. Переѣзжая чрезъ это бурное озеро, я два раза милостію Божіей былъ сохраненъ отъ смерти. Однажды, на обратномъ пути изъ Улалы въ Чулышманъ, переѣзжая озеро, мы доплыли до Бугана. Далѣе этого ѣхать было нельзя; мы вошли въ пещеру и тамъ прожили 16 сутокъ. Озеро страшно волновалось. Запасъ нашъ сталъ истощаться; мы стали употреблять его по-маленьку. Двое спутниковъ моихъ плакали. Я, видя ихъ слезы, укрѣплялъ и утѣшалъ ихъ, а въ то же время тайно отъ нихъ ночью молился, прося у Бога помощи. Милосердый Господь услышалъ нашу грѣшную молитву; не далъ намъ умереть. На семнадцатый день волненіе озера стало утихать. Мы помолились Богу и отправились на лодкѣ. Въ дорогѣ ночевавши одну ночь, прибыли въ Чулышманъ. Послѣ этого, два дня питались только чаемъ. На другой годъ опять на обратномъ пути изъ Улалы въ Чулышманъ проѣзжая озеро, въ той же пещерѣ провели 20 сутокъ.

Запасу у насъ осталось дня на два, а можетъ и того менѣе. Работники мои и псаломщикъ готовы были плакать, а я опять тайно отъ нихъ молился. Въ одинъ день, поднявшись рано, я посмотрѣлъ и вижу, что озеро ночью замерзло. Я попробовалъ ледъ около берега и нашель, что поднять человѣка не можетъ. Еще почевали; смотрю озеро крѣико замерзло; а вѣтеръ дулъ попутно по направленію къ Чулышману. Мы взошли на гору и оттуда увидѣли, что озеро замерзло верстъ на 20, а далѣе на такомъ же пространствѣ не замерзло. Мы, не имѣя возможности провести лодку до того мѣста, гдѣ озеро не замерзло, изъ палатки нашей сдѣлали къ лодкѣ парусъ и столкнули лодку на ледъ и когда стали двигать ее по льду, то она легко пошла. По мѣрѣ того, какъ усиливался вѣтеръ, лодка двигалась быстрѣе и быстрѣе. Мы уже стали ее сдерживать, а для этого привязали къ ней веревки и съ обѣихъ сторонъ лодки, сдерживая за веревки, мы бѣжали вслѣдъ за ней. Когда прибыли къ тому мѣсту, гдѣ вода не замерзла, — мы сварили и напильсь чаю. Послѣ этого, когда мы спустили лодку на озеро и поплыли, вдругъ поднялся вѣтеръ съ туманомъ и снѣгомъ. На озерѣ поднялась большая буря. Къ тому же и берега были не видны. Мы сбились съ пути. Въ такомъ безпомощномъ положеніи мы отдались въ волю Божию; не стали грести и дали лодкѣ свободу. Когда вѣтромъ забило нашу лодку въ сплошной ледъ, спутники мои стали кричать и плакать. Нѣкоторые говорили: дно золотого озера будетъ гробомъ, гдѣ лягутъ наши кости. Повторяя это, они легли на дно лодки; а волны со льдомъ били лодку съ обѣихъ сторонъ. Я весьма опасался, что лодку скоро разобьетъ. Сверхъ того, плачь спутниковъ моихъ трогалъ мое сердце и я весьма скорбѣлъ. Въ это время въ мысляхъ моихъ мнѣ представился какъ бы воочию Св. Николай и припомнилась мнѣ его помощь въ прежнее время, ибо онъ, когда я неводилъ прежде, дважды мнѣ помогъ. Тогда я далъ обѣщаніе поставить въ честь его на берегу озера молитвенный домъ. Съ того прошло уже много времени, а я обѣщанія своего все еще не исполнилъ. Вспомнивши теперь объ этомъ, я сталъ молиться Святит. Николаю, говоря: если теперь спасенъ буду отъ смерти, то здѣсь,

на берегу озера, въ честь твоего имени поставлю молитвенный домъ. Между тѣмъ лодка наша вошла въ ледъ почти на тридцать сажень. Съ каждымъ напоромъ вѣтра она двигалась все дальше. Помолившись Святителю Николаю, я увидѣлъ, что ледъ отъ носа нашей лодки началъ раздвигаться на двое. Впереди лодки озеро очистилось отъ льда (узкой полосой) до самаго того мѣста, гдѣ уже не было льду, — и впереди открылся путь, подобно просѣкѣ среди густаго лѣса. Ледъ шелъ противъ вѣтра. При видѣ такого чуда, жаръ проникъ тѣло мое; — я былъ въ трепетѣ; гортань оцѣмѣла и я долго ничего не могъ проговорить. Потомъ сказалъ спутникамъ: вставайте, — не плачьте, — Богъ намъ помогъ. Они поднялись и, молча, перекрестились. Я направилъ носъ лодки въ очистившееся отъ льда мѣсто и лодка сама туда стала двигаться. Работники мои взяли весла и хотѣли — было грести, но я запретилъ имъ это, — запретилъ для того, чтобы они видѣли милость Божию, мы нисколько не греблись, а лодка сама, будто двигаясь на веслахъ, плыла и вышла изъ льда. Мы оглянулись назадъ: открывшаяся дорожка, которую мы проѣхали, опять сошлась въ массу сплошнаго льда. Пока мы стояли въ раздумьи, по какому направленію намъ теперь плыть, — пространство очистилось отъ тумана и снѣга и показались берега Белі; туда мы и направились плыть водою. Такъ, по милосердію Божию, съ помощью Св. Николая, мы вышли на берегъ Белі. Пока тамъ варили и пили чай, никто изъ насъ ни одного слова не проговорилъ. Черезъ нѣкоторое время я сказалъ: ребята! видѣли ли вы это чудо? Жена моего работника отвѣтила: если кто изъ насъ скажетъ, что въ этотъ день я не видалъ чудесной помощи Божіе, да накажетъ того Богъ. Другіе сказали: конечно, это чудо мы не забудемъ во всю жизнь нашу. Въ тотъ день ночевавши, при Божіей помощи переправились черезъ озеро и вышли въ Кырсаѣ, что на устьѣ Чулышмана. Пока доѣхали до дому, мы чувствовали на душѣ скорбь, какъ будто обвиненные въ чемъ. На второй годъ, исполняя мое обѣщаніе, я выстроилъ во имя Святителя Николая молитвенный домъ, въ которомъ есть и престолъ. Пока строился этотъ домъ, всѣ язычники, тамъ жившіе, увѣровали въ Бога и крестились. Нѣкоторыхъ изъ нихъ

крестилъ преосвященный Макарій. Всѣхъ крещеныхъ тамъ болѣе сотни.

Крещеніе Аккорымскихъ жителей.

Въ Аккорымѣ жили некрещенные болѣе 10 юртъ. Они жили отъ моего мѣстожителства въ разстояніи около 20 верстъ. Въ теченіи пяти лѣтъ я много разъ бывалъ у нихъ, бесѣдовалъ съ ними о Богѣ, о Его благи, о Его чудесахъ; рассказы-валъ, начиная отъ Адама до послѣдняго вѣка. Они говорили: такія бесѣды мы слышали здѣсь отъ миссіонера Макарія, гово-рившаго по-Алтайски. Хотя онъ и правду говорилъ, но мы не смѣемъ оставить вѣру нашу, которую мы унаслѣдовали отъ предковъ. Еще говорили: мы боимся, что если мы крестимся и примемъ другую вѣру, то земля и вода, богатый Ульгенъ и духи, которымъ мы приносимъ жертву, прогнѣваются на насъ и будутъ дѣлать намъ зло. И что за пужда намъ креститься? Но-вокрещенные, хотя ходятъ въ церковь и молятся Богу, но они живутъ не лучше, не богаче насъ. Слыша отъ нихъ такія слова, я говорилъ имъ: изъ новокрещенныхъ самый безпомощный, бѣд-ный имѣетъ чудесное, никогда не оскудѣваемое имущество, — поэтому онъ богаче самаго богатаго изъ васъ. Затѣмъ бесѣдо-валъ съ ними о неоскудѣваемомъ небесномъ сокровищѣ. Нѣко-торые изъ нихъ стали колебаться въ мысляхъ и говорили: можетъ быть, когда нибудь мы и крестимся, но теперь пока нѣтъ у насъ такого желанія. Видя ихъ колебанія, я сталъ по-сылать къ нимъ по праздникамъ псаломщика Якова и онъ ѣздилъ къ нимъ, бесѣдовалъ съ ними. Однажды, на третій день празд-ника Пасхи я послалъ къ нимъ Якова для бесѣды. Черезъ сутки онъ прислалъ ко мнѣ письмо: здѣшніе жители почему-то стали въ разговорахъ своихъ со мной грубы; нѣкоторые вовсе не слу-шаютъ моихъ бесѣдъ; я хочу воротиться домой. Прочитавши это письмо, я пришелъ въ волненіе, разгорѣлось мое сердце. Я за-звонилъ въ колокола, сбѣжались новокрещенные, большіе и ма-лые и тревожно спрашивали; что случилось? Я сказалъ: поды-мите иконы Спасителя, Божіей Матери и Святыхъ и отправляйтесь

вверхъ по Чулышману къ крещенымъ, живущимъ въ Коо. Тамъ переночуйте; утромъ рано я приѣду туда. Тамъ я обойду жилища новокрещенныхъ, а потомъ будемъ кропить святой водою юрты, которыя объаты огнемъ бѣсовскимъ, чтобы угасить этотъ огонь. Новокрещенные въ недоумѣніи спрашивали: чьи же юрты горятъ? Я сказалъ: увидите, когда будете тамъ. Собралось много людей, подняли святые иконы и отправились къ новокрещенымъ въ Коо. Прибыли туда уже ночью. Я помоллся Богу, на слѣдующій день всталъ рано, приѣхалъ туда и обошелъ съ молитвою всѣ юрты новокрещенныхъ. Потомъ мѣстнаго старшину послалъ къ некрещенымъ жителямъ Ак-корыма, заказавши ему: ты поѣзжай къ жителямъ Ак-корыма и передай имъ слова вѣрнѣе; передай, меня послалъ къ вамъ священникъ сказать вамъ, что съ нимъ невидимо идетъ къ вамъ Царь царей и Его Сынъ и Его слуги, идутъ они къ вамъ, имѣя о васъ великое попеченіе. Пусть соберутся все, — и старые и молодые и выйдутъ на берегъ Чулышмана и встрѣтятъ ихъ съ почетомъ. Пусть не затворяютъ дверей юртъ своихъ, чтобы не прогнѣвался на нихъ Сынъ Царя. Скажи, что такъ велѣлъ сказать священникъ. Сказавши это, я велѣлъ старшинѣ повторить эти слова нѣсколько разъ, чтобы онъ не забылъ; и благословивши его, сказалъ; ты не говори, что сюда принесены иконы. Старшина Яковъ отправился. Мы, напившись чаю, подняли св. иконы и отправились къ нимъ съ пѣніемъ „Христосъ воскресъ“. Приближаясь, увидѣли, что Ак-Корымскіе язычники — старые и малые, одѣвшись въ лучшія одежды, стоятъ на берегу Чулышмана, ожидая насъ. Когда мы приблизились, нѣкоторые стали на колѣни. Я видя, что они такъ встрѣчаютъ и кланяются, прослезился и стоялъ нѣсколько времени, не могши проговорить слова. Потомъ черезъ нѣкоторое время сказалъ: если хотите быть счастливы, то указывайте дорогу въ ваши юрты. Сперва повелъ насъ къ себѣ Чаданъ; день уже склонялся къ вечеру; до юрты Чадана было около версты. Когда мы шли туда съ пѣніемъ, всѣ некрещенные шли по обѣимъ сторонамъ св. иконъ. Прибывши въ юрту Чадана, я сказалъ: гдѣ поставить эти св. иконы на ночь? Чаданъ сказалъ: поставить ихъ въ нашей

юртѣ неприлично, ибо въ юртѣ стоятъ поганые идола; пусть почуютъ въ новой деревянной юртѣ, внутренность которой чиста; я соберу войлоки и покрою ими верхъ юрты. Сказавши это, онъ принесъ войлоки и закрылъ. Мы занесли туда въ эту юрту св. иконы и поставили тамъ. Некрещеные, вышедшіе на встрѣчу, всѣ заходили въ эту юрту и съ удовольствіемъ разсматривали св. иконы. Я, показывая имъ образъ Спасителя, сказалъ: „вотъ образъ Иисуса Христа, Сына Царя Царствующихъ. Я вамъ прежде говорилъ о Немъ и объ Его благости; вы тогда пренебрегали Имъ. Онъ невидимо здѣсь пребываетъ и весьма жалѣетъ васъ, желаетъ, чтобы вы не были слугами діавола, а стали дѣтьми Его, имѣющими право получить отъ Него наслѣдство. Онъ желаетъ, чтобы вы не попали въ адъ на мученіе вмѣстѣ съ діаволомъ, но получили нескончаемое блаженство на небесахъ. Я вашъ Господь Богъ — говоритъ Онъ, пусть не будутъ у васъ иные боги, кромѣ Меня. Онъ желаетъ, чтобы вы не поклонялись ничему, что подъ небесами или на землѣ и что подъ землей, ибо все, что есть на небѣ; все, что на землѣ — Мое созданіе. Я Господь Богъ, сотворившій все, — приидите ко мнѣ всѣ и Я упокою васъ. Нѣкогда Господь Богъ, возносясь отъ земли на небо, ученикамъ Своимъ далъ заповѣдь: идите во весь міръ и проповѣдуйте евангеліе всей твари. Кто увѣруетъ и крестится, тотъ спасенъ будетъ, а кто не увѣруетъ, тотъ осужденъ будетъ. По заповѣди Божіей, я много разъ приходилъ и бесѣдовалъ съ вами объ Истинномъ Богѣ и объ истинной вѣрѣ, но вы не вѣровали въ Истиннаго Бога; теперь Богъ какъ бы Самъ пришелъ къ вамъ въ своей иконѣ. Онъ Самъ здѣсь невидимо стоитъ между нами“. Затѣмъ я рассказалъ имъ объ Иисусѣ Христѣ все, начиная отъ рожденія Его до кончины вѣка. Они, вышедши изъ юрты, собрались вдали отъ насъ на чистомъ мѣстѣ, сѣли въ кружокъ, курили и около получаса разговаривали между собой. Затѣмъ, пришедши къ намъ, сказали: мы всѣ вѣруемъ въ Бога, и хотимъ креститься. Когда вы будете насъ крестить? Я сказалъ: Богъ ждетъ васъ каждый часъ; сейчасъ записывайте вашихъ крестныхъ отцевъ, крестныхъ матерей и ваши имена. И они стали записывать свои имена, сво-

ихъ крестныхъ отцовъ и матерей. Діаконъ и псаломщикъ, сидя каждый отдѣльно, записывали до самой полуночи. Всѣхъ записавшихся было 38 человекъ. На утро мы учили ихъ молитвамъ; между прочимъ, я сказалъ: въ прежнія времена увѣровали въ Бога въ одинъ день 40 человекъ. Одинъ изъ нихъ отрекся отъ Бога и тотчасъ померъ, а тридцать девять человекъ не отrekliсь отъ Бога и на главы ихъ сошли съ небесъ свѣтлыя вѣнцы. Одинъ язычникъ, видя это, сказалъ: изъ сорока человекъ, увѣровавшихъ въ Бога, одинъ отрекся и я видѣлъ, что вѣнецъ, который посланъ былъ ему отъ Бога, опять поднялся на небо. И такъ, чтобы осталось полное число сорока человекъ, вмѣсто отрекшагося отъ Бога, я вѣрую въ Него. И онъ, дѣйствительно увѣровалъ въ Бога. Теперь у насъ до сорока недостаетъ двухъ. Если бы сегодня крестилось сорокъ человекъ, то они уподобились бы тѣмъ сорока. Они сказали: кажется, у насъ два человека найдется. Сказавши это, они сходили въ одну юрту и привели одну дѣвицу; а потомъ пришелъ еще одинъ больной. Тогда они сказали: теперь, по милости Божіей, стало 40 человекъ; еще къ Соенцамъ уѣхали 14 человекъ и они, когда возвратятся, крестятся. Мы здѣсь ночевали, а на утро окрестили ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа. Они проводили насъ, неся святыя иконы до самой переправы черезъ Чулышманъ, и мы съ пѣніемъ „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“, возвратились домой. Вскорѣ послѣ этого я послалъ имъ псаломщика поучить ихъ молитвамъ. Въ непродолжительномъ послѣ этого времени и остальные жители увѣровали въ Бога и крестились.

Когда я пріѣзжалъ въ Улалу на собраніе миссіонеровъ, то, проживши здѣсь около недѣли, ѣздилъ къ своимъ Бачатскимъ Телеутамъ; жилъ тамъ болѣе мѣсяца, потомъ возвратился въ Чулышманъ. Такъ былъ около четырехъ разъ. Всякій разъ, когда я пріѣзжалъ туда, крестилъ тамошнихъ язычниковъ и училъ ихъ истиной вѣрѣ. Прежде чѣмъ я началъ къ нимъ ѣздить, новокрещенные жили вмѣстѣ съ некрещеными, уподобляясь тѣмъ людямъ, которые платятъ двѣ дани. Такихъ людей для меня учить было труднѣе, чѣмъ новокрещенныхъ. Въ слѣдующіе годы учить ихъ мнѣ стало полегче, ибо всякіи разъ, пріѣзжая къ нимъ въ

великій постъ, я заставлялъ ихъ говѣть и въ это время обучалъ ихъ истинной вѣрѣ и заповѣдамъ Божиимъ и жить сообразно этому ученію. Они много разъ говорили мнѣ: если бы здѣсь выстроили церковь и поставили къ намъ священника, который могъ бы учить насъ на родномъ нашемъ языкѣ, то мы не стали бы колебаться и уклоняться на злое; а я имъ говорилъ: если вы истинно такъ думаете, то Господь дастъ вамъ то, въ чемъ вы нуждаетесь; ибо Господь не отказываетъ тѣмъ, кто проситъ угодное Ему. Таковыя желанія дошли до Бога: теперь они имѣютъ у себя каменный храмъ ¹⁾ и священника, знающаго Телеутскій языкъ. Богу да будетъ слава во вѣки вѣковъ!

Дѣти мои! Это описаніе моей жизни я передаю вамъ, какъ завѣщаніе для того, чтобы вы работали Господу болѣе, чѣмъ сколько я работалъ Ему. Даю вамъ мое благословеніе, которое да будетъ на дѣтяхъ дѣтей вашихъ изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ.

Н а с т а в л е н і е .

Дѣтямъ моимъ —наслѣдникамъ.

Пусть будутъ урокомъ для нихъ эти слова;
Пусть будутъ наставленіемъ *отъ рода до рода*.
Не выходи на брань, держа въ рукахъ петлю,
Чтобы не попасть тебѣ въ бѣду, которой не забыть.
Не выходи на ссору, держа въ рукахъ ножъ
И не будешь плакать, попавши подъ дѣло.
Щекотливый языкъ держи за оградой
И не будешь горевать, попавши въ бѣду.
Держи языкъ свой подъ гортанью
И не будетъ тебѣ стыдно и на вешнемъ льду.
Не давай свободы—воли языку на тихомъ плесѣ
И не будешь моргать глазами и плакать.

¹⁾ Этотъ храмъ выстроенъ Московскимъ фабрикантомъ А. С. М—ымъ.

Не многословь громко и не придетъ послѣ страхъ на тебя.

Не клевети на челоуѣка и не будешь послѣ печалиться.

Да не исходитъ изъ усть твоихъ нечистое слово.

И не будешь преданъ великому мученію.

Сквернословца не любить Богъ.

И предасть его мученью, изъ котораго не выйти.

Домая рука.

Не бери у людей лишняго

И не попадешь въ горькую бѣду.

Не протягивай своихъ рукъ

И избѣгнешь будущихъ мукъ.

Не подымай руки на того, кто укорилъ тебя,

И не придетъ къ тебѣ бѣда изъ рукава.

Пусть не жадничаетъ рука твоя

И не будутъ проклинять тебя люди.

Держи руки на работѣ,

Принуждай ихъ гнуться.

Гибкая рука созидаетъ (устраиваетъ)

А не гибкая портитъ.

Твори руками милостыню

И будешь послѣ радоваться.

Хвастливый герой не разбогатѣетъ.

Не будь хвастливъ геройствомъ,

И будь воздерженъ при довольствѣ.

Горделивый герой смирится,

Онъ потеряетъ голову, — и не будетъ его.

Сокращается жизнь того, кто хвалится силою,
И онъ не увидитъ свѣта солнечнаго.
Не хвались чиномъ предъ старшимъ тебя.
Не тщеславься своимъ преимуществомъ.

Старшимъ будь послушенъ,
Что услышишь, помни.
Предъ сановникомъ будь смиренъ.
Не будь дерзокъ и увертливъ.

Предъ начальникомъ твоимъ будь кротокъ,
Послушливо склоняй предъ нимъ голову,
Наставленія его слушай,
Не будь напыщенъ и дерзокъ.

Удовлети желаніе его и почитай его.
Не будь честолюбивъ и непокоренъ,
Предъ начальникомъ не возносись;
Знаніемъ твоимъ не хвались.

Предъ людьми не красуйся,
Поминай послѣдняя твоя и смирися.
Предъ народомъ не показывай своего господства
И не будешь осмѣянъ и посрамленъ.

Не притворяйся и не извивайся, какъ змѣя,
И не будешь злословимъ невинно.
Не обольщай людей своею ложною добротою
И не испытаешь печали отъ злословія.

Не гордись ни властію, ни богатствомъ,
Живи, какъ Богъ опредѣлилъ.
Не будь высокоумень
И не подвергнешься великимъ мукамъ.

Не замышляй зла на человѣка,
 И не постигнетъ тебя зло.
 Злоумышленникъ будетъ проклятъ,
 И пойдетъ во адъ, въ огненную тьму.

Дѣти мои!

Плоть моя и кости мои ослабѣли,
 Я жду пришествія Вѣстника,
 Жизнь моя сократилась
 Долго ли еще проживу, не знаю,
 Силы мои ослабѣли.
 Долго ли продлится день мой, не знаю
 Путь жизни моей сократился.
 Слова рѣчи моей истощились,
 Огонь очей моихъ сталъ гаснуть...
 Помышленія задерживаются въ груди моей
 Много я пережилъ печалей.
 Истожились мои рассказы.
 Бодрость моя стала оставлять меня
 Я сталъ подобенъ плѣннику.
 Не быть мнѣ вѣчно безсмертнымъ.
 Жду я дня моей смерти.
 Да будетъ воля Бога, Творца моего,
 Его власть — принять меня.
 Не отступая отъ Него, я молюсь:
 Боже, Создатель Мой, не оставь меня!
 Помышляя о послѣднемъ моемъ, прошу:
 Очисти согрѣшенія мои, Боже!

